

Клод Изнер

Встреча в пассаже д'Анфер

*Часть сборника
Три стильных детектива*

Сыщик-любитель Виктор Легри

Клод Изнер

Встреча в пассаже д'Анфер

«АСТ»

2008

Изнер К.

Встреча в пассаже д'Анфер / К. Изнер — «АСТ»,
2008 — (Сыщик-любитель Виктор Легри)

Жарким августовским вечером 1895 года в лесу Монморанси падает метеорит. А вскоре происходит серия загадочных убийств. Все убитые оказываются членами сообщества последователей Шарля Фурье, которое возглавлял дядюшка знаменитого сыщика-любителя. Виктор Легри и его верный помощник начинают очередное расследование. Неужели упавший с небес метеорит действительно способен негативно влиять на события?..

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	33
Глава седьмая	40
Глава восьмая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Клод Изнер

Встреча в пассаже д'Анфер

*Осень, и снова – осень. Осень крадется тихо.
Песни осенней скрипки ветер зовут и холод.
Мы закрываем иторы, мы переводим стрелки.
Листья ложатся наземь – антигоны и
филомелы...
Хрупкие их останки сжигает могильщик-дворник.
«О бедный Йорик!» – смерти легло дыханье
Изморозью на стеклах...*

Жюль Лафорг. Воскресенья.

Нашей мужественной Мари-Франс Жиро

Памяти нашего дорогого друга Ива Жибо

*Клодине и Фабьену Лезаж, нашим давним соратникам по
ассоциации «Эскло»:*

«Мы добирались туда пешком... и ночевали в лесу, под деревом».

Артисту Алену Манжено

Всем нашим дорогим и любимым

*Благодарим Франсуазу и Мишеля за то, что позволили нам
использовать название их книжного магазина «Эльзевир» в Монрее*

Claude Izner

Rendez-vous passage d'Enfer

© Editions 10 / 18, Departement d'Univers Poche, 2008

Печатается с разрешения издательства Univers Poche при содействии литературного агентства Анастасии Лестер

Все права охраняются, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

© Сергеева Е. перевод, 2012

© ООО «Издательство АСТ»

Пролог

Эта планета не раз сталкивалась с небесными телами, которые миллиарды лет вращались вокруг Солнца. От нее откалывались куски и устремлялись в открытое космическое пространство.

Однажды осколок весом в несколько тонн отделился от остальных. Гравитационные поля планет, чей путь он пересекал, влияли на траекторию его полета. Космические тела из пояса астероидов, расположенного между орбитами Юпитера и Марса, врезались в гигантский осколок, и он дробился на осколки поменьше. Таким образом, когда по окончании странствия длиною в двадцать миллионов лет осколок достиг одной небольшой планеты, он весил уже не более полутонны. Летя навстречу новому препятствию, он ворвался в атмосферу Земли, где и распался на части. По мере приближения к поверхности Земли его скорость уменьшалась, и последнюю часть пути он летел практически вертикально.

Жаркой августовской ночью 1895 года он рассыпался метеоритным дождем над лесом Монморанси.

Глава первая

Лес Монморанси, среда, 14 августа 1895 года

От земли шел пар. Легкий ветерок освежал подлесок, где пахло грибами, влажной травой и мятой. Растянувшись на траве перед своей хижинкой, Жеробом Дараньяк глядел на небо поверх крон каштанов. Внезапно он понял, что мешает ему заснуть. Жеробом оперся на локоть. Что-то должно произойти, интуиция его никогда не обманывала. Ослепленный светом луны, он поначалу ничего не мог различить. Потом увидел, как на небе появился ослепительно яркий огненный шар. Он непрерывно уменьшался, как будто таял. Жеробом пригляделся. Нет, это ему не примерещилось. Шар исчез, но оставил в небе широкий, похожий на столб дыма след, изгибающийся, словно сказочный исполинский змей. Который, в свою очередь, постепенно тускнел, пока не распался на отдельные клочья.

Поместье Гюго Мальпера в Домоне

На веранде при свете свечей, обмахиваясь веерами, сидели две дамы. Внезапно воздух заискрился. Искры не были красно-желтыми, как от углей, они носились вокруг серебристым вихрем.

– Ой, что это? Они кусаются?

– Да это же не комары, а светлячки.

– Терпеть не могу всех этих насекомых...

– Сюзанна, ты заметила, что сегодня вечером нас собралось только девятеро из тринадцати? – воскликнула высокая худощавая молодая женщина с пучком на затылке.

– Ошибаешься, Ида! Ты забыла про нашего гостеприимного хозяина! – возразила ей собеседница, полноватая блондинка в кружевной мантилье. – Нас осталось десять: Эмиль Легри и твой отец уже на небесах.

– Должен быть кто-то еще один!

– С чего ты взяла?

– Потому что я все отлично помню, хотя в семьдесят шестом году, когда этот чудак Эмиль Легри создал ассоциацию, мне было всего тринадцать. А ты старше на восемь лет.

– Что ты говоришь! На целых восемь лет? Не может быть!

– Так и есть! Отец хотел, чтобы я завершила музыкальное образование, а мои уроки сольфеджио оплачивал меесь Легри. Поэтому я должна была присутствовать на ваших собраниях. Как же скучно мне было сидеть в пыльной, пропахшей плесенью книжной лавке этого плешивого старика и слушать ваши нескончаемые разговоры!

– Плешивого? Ты про кого это?

– Про Эмиля Легри, про кого же еще!

– Неужели тебе было тогда всего тринадцать? Не могу в это поверить! Ты была выше меня на целую голову и отлично пела.

– Ну да, я была высокой для своего возраста. Думаешь, мне хотелось петь в начале каждого заседания ассоциации этот дурацкий гимн?

Как маяк Александрийский
Шарль Фурье ведет по жизни...

- Страшно подумать, сколько лет прошло с тех пор! И ведь мы не становимся моложе...
- Говори за себя! У меня еще вся жизнь впереди!
- Ну, знаешь, голубушка...
- Спокойствие, дамы, спокойствие, давайте хотя бы на время забудем о ссорах, – вмешался жизнерадостный господин с очень широкими бедрами, появляясь на веранде.
- Вы правы, Виржилъ, мы замолкаем.

Гюго Мальпер был не в духе: почти все гости прибыли с опозданием и набросились на угощение так, будто перед этим постились не меньше месяца. Теперь, насытившись, они подобрались и готовы были, забыв о взаимной неприязни, обниматься со слезами на глазах.

– Лицемеры! Конечно, брюхо себе набили, теперь можно и вспомнить про «дорогого Эмиля Легри», – ворчал он, шагая по аллее между фруктовыми деревьями.

Эта традиция возникла в 1880 году, через три года после кончины их благодетеля: они устраивали торжественный ужин, и перед десертом один из членов ассоциации должен был произнести речь в память об Эмиле Легри. На этот раз пришел черед Эвариста Вуазена. Он уже сделал большой глоток шампанского, очевидно, для храбрости, но Гюго Мальпер потребовал сделать перерыв, сказав, что ему надо срочно сходить на псарню, проведать собаку, у которой болят зубы.

– Господа пока могут сыграть партию в бильярд, а дамы, угощаясь мадерой, записывать результаты!

Все охотно согласилось. На самом деле собаки были совершенно здоровы – Гюго Мальпер просто не мог дождаться момента, когда гости наконец уедут, и хотел от них немного отдохнуть. В свое время именно он, питая теплые чувства ко всем, кто был, как и он сам, преисполнен благодарности по отношению к Эмилю Легри, предложил проводить эти ежегодные встречи здесь, в своем поместье в окрестностях Домона, и назначил памятной датой тот самый день, когда познакомился с Эмилем. Но теперь эти люди не вызывали у него ничего, кроме раздражения. Он уже давно собирался отменить ежегодную пирушку, да только все не решался объявить об этом.

Гюго Мальпер толкнул узкую створку загона, обогнул колодец и пошел вдоль ряда вольеров. Питомцы встретили его нестройным лаем. У Гюго была тридцать одна собака: кобели и суки, чистокровные и беспородные, молодые и старые. Их объединяло то, что все они остались без хозяев и заменили Гюго детей – его супруга Каролина погибла сразу после свадебного путешествия в Бретань.

Проведав собак, Гюго не спешил возвращаться к гостям: он постоял немного, глядя на свой маленький замок, копию дворянской усадьбы XVI века, возведенный во времена Второй Империи по чертежам его деда. Чересчур много башенок и столько окон, что ни одна прислуга в доме не задерживается... Последняя, мадам Бонэфон, осталась в услужении у Мальпера только потому, что нашла компромисс: она мыла половину окон осенью, а другую весной.

– Куда он запропастился, этот Апорт! – воскликнула Ида. – Вечно он занят своими собаками! А на кухне дожидаются два торта-безе с лимоном, да и суфле с ромом скоро наверняка опадет.

– Ты же знаешь, Гюго обожает животных. Только не вздумай назвать его этим прозвищем в глаза – он его терпеть не может!

– А что такого?! Я же не обижаюсь, когда меня зовут Восьмушкой!¹

¹ Видимо, давая прозвище Иде, члены ассоциации намекали на ее занятия музыкой и высокий рост: восьмушка – это нота длительностью 1/8 такта. – *Прим. перев.*

– Тебе это подходит! В отличие от меня: думаешь, приятно, когда тебя называют Ни-То-Ни-Се?

– Кстати, я забыла, а какие прозвища у остальных? – поинтересовалась Ида. – Я восемь лет не посещала эти ваши собрания, а сегодня приехала только ради тебя.

– Так заведи записную книжку! Смотри: вон тот старик, такой упитанный, что стоит у камина, это Виржилль Сернен. Редкий бабник, что, впрочем, не помешало ему сделать шестерых детей. Его жена, бедняжка, родами и умерла. Ну, дочерей-то он уже всех замуж пристроил. И теперь, несмотря на постоянные боли, изображает Дон Жуана.

– Боли? А что с ним такое?

– Почечные колики. Приступы случаются у него каждые три – четыре месяца. А прозвали его Мухоловкой!

– Почему?

– Он – любитель земноводных. У него в ресторане стоят аквариумы со всякими ящерицами и змеями... Тьфу, какая гадость!

– О, а вон та пара мне знакома! Это Рен и Лазар Дюкудре! Они держат магазин игрушек, и прозвали их Юлой и Волчком. А старикашка с волосами желтоватого цвета... погоди, как его... Ах да, Максанс Вине!

– По прозвищу Макс Большое Ухо. Он глуховат и вечно пристаёт ко всем с цитатами из Марка Аврелия... Ну вот, а остальных-то ты вспомнила, наконец?

– Не всех.

– Я не собираюсь их перечислять! О, посмотри на того чудака, прямо Плакса Жан²!

Выплывшая из-за облака луна осветила большой парк, вдалеке переходящий в лес. Собеседницы заулыбались. На самом деле они неплохо относились друг к другу, возможно потому, что редко виделись и не были соперницами.

Максанс Вине показался в проеме двери, ведущей на террасу.

– Вот вы где! Вас все ищут. Необходимо ваше присутствие.

– Мы тут дышим свежим воздухом. Апорт вернулся?

– Нет. Партия окончена. Эварист считает, что нам надо снова собраться в столовой.

– Зачем? Он все-таки намеревается произнести свою нудную речь?

Дамы неохотно поднялись и направились в комнату, где стояли крепкий стол и скамьи, на которых расселись приглашенные.

– А кто такой Эварист? – шепотом спросила Ида у подруги.

– Неужели не помнишь? Его прозвали Гриб, потому что он работает на ферме, где выращивают шампиньоны. Рыжий такой, ему около пятидесяти.

– Нет, не припоминаю, видно, мы с ним редко встречались!

– А где Максанс? – воскликнул тщедушный человек с редкими волосами и бледно-рыжими бакенбардами, перебирая стопку выцветших листов бумаги.

– Мы его не ели, Деода.

– Кто такой этот Деода? – спросила Ида у подруги.

– Ты меня совсем замучила, Ида. Деода Брикбек, или Гринвич, служит в обсерватории. Кстати, его сердце свободно!

– Нет уж, лучше остаться старой девой, чем выйти за такого замуж, – пробормотала Ида, усаживаясь рядом с пышной Рен Дюкудре.

– Кстати, я отлично помню, что на похороны Эмиля Легри приехали не все. Не было Юлы, Волчка и Поршня, – заявила Сюзанна.

² «Плакса Жан и Весельчак Жан» – французская народная детская песенка. – *Прим. перев.*

– Сюзанна, оставьте это ребячество, давайте называть друг друга по именам, – заявил один из гостей, несмотря на морщины, выглядевший моложаво и одетый в элегантный костюм с галстуком.

– Послушайте, Донатьен, мне кажется, вы забываете, что эти прозвища придумал не кто иной, как Эмиль. Кстати, себя он называл Кавардаком³. Я понимаю, вам не по душе прозвище Поршень, тем не менее, именно благодаря связям Эмиля вам досталась должность заместителя начальника Западного вокзала.

Лазар Дюкудре, он же Волчок, коротышка, похожий на сахарную голову, к которой приделали козлиную бородку, бросил на говорившего недовольный взгляд.

– Ну конечно, ведь именно поршень⁴ приводит машину в движение, – с намеком заметила Сюзанна.

Донатьен Вандель побледнел и отвернулся.

– Да ладно тебе, – проворчала Ида. – Скорей бы все это закончилось! Я проголодалась... Чем он там занимается, этот Гюго?

Гюго Мальпер обошел все вольеры, удостоверился, что у питомцев полные миски, и задержался около своей любимицы, Пишетты⁵, толстой спаниелихи, похожей на кувшин.

– Ах, если бы ты знала, Пишетта, как мне осточертели эти паразиты! – прошептал он, почесывая собаку за ухом.

В соседнем вольере жалобно заскулила такса.

– Тихо, Эдип! Я найду к тебе в другой раз, а сейчас мне, увы, придется вернуться к гостям.

Донатьен Вандель умирал от скуки. Он согласился принять участие в этой церемонии только ради своей сестры Бернадетты, которая мечтала о том, что его повысят, и из заместителя начальника он станет начальником вокзала. «Поезжай, Донатьен, и постарайся понравиться господину Мальперу, тогда он окажет тебе протекцию». И Вандель поехал, скрепя сердце.

Он взглянул на Эвариста Вуазена, который готовился произнести речь, и снова погрузился в мысли о брошюре, которую недавно нашел у букиниста. Ее напечатало в Льеже в 1870 году издательство «Вайан Гарман», и в ней излагалась программа поставки спальных вагонов для европейских железнодорожных компаний. Этот ценный исторический документ должен был пополнить коллекцию Ванделя, в которой уже были модель железнодорожного состава Марклина и вагона Пульмана, а также номер «Монд иллюстрэ» за 1870 год с изображением интерьера спального вагона. Один из отставных служащих подарил ему комплект фотографий: там были и почтовый вагон, и переход через пути, и стрелка, и железнодорожные знаки, и станционное здание, и туннель. У Донатьена Ванделя была заветная мечта – купить билет в спальный вагон «Восточного экспресса» и, забыв о службе и семье, отправиться куда-нибудь далеко-далеко...

Эварист Вуазен, сидевший на противоположном конце стола, начинал терять терпение. Ему хотелось налить себе стаканчик, но он не решался. Вуазен стыдился своего потертого выходного костюма, стоптанных ботинок, давно не стриженной рыжей шевелюры, в которой уже появились седые пряди. Он чувствовал себя не в своей тарелке, не подозревая, что на самом деле финансовое положение присутствующих немногим лучше, чем его собственное. «Нет, вы только гляньте на этих дармоедов, им бы только пыль в глаза пускать! – думал он. –

³ Игра слов: прозвище героя Fourge-tout («мешанина», «вверх дном») – созвучно с фамилией философа Фурье и идеями социалистов-утопистов о необходимости радикальных изменений «с ног на голову». – *Прим. перев.*

⁴ Каламбур в том, что во французском языке слово piston (поршень) имеет другое значение: протекция, блат. – *Прим. перев.*

⁵ Pichet (фр.) – кувшин. – *Прим. перев.*

А та толстуха, вся в рюшах, чего она все время на меня пялится? Черт возьми, у меня совсем в глотке пересохло!»

Он уже протянул руку к бутылке, когда наконец появился хозяин дома, крепкий пожилой мужчина с седеющей бородкой и закрученными кверху усами. Гюго Мальпер был чуть ли не единственным близким другом Эмиля Легри и, когда тот решил объединить своих подопечных в ассоциацию «Подранки», поддержал это начинание.

Собравшиеся смотрели на него с уважением и даже робостью, словно ученики на учителя.

– Где Максанс? – спросил он.

– Где-то в доме, – пробурчал Эварист.

– Тогда начнем без него, – распорядился Гюго. – Кухарка, мадам Бонифон, волнуется за суфле с ромом.

Эварист собрался с мыслями и начал речь:

– Мы бесконечно благодарны тебе, дорогой Эмиль Легри! Ты объединил реки наших жизней в мощный поток, и мы оплакивали тебя, стоя над гробом, не замечая ливня, который...

– И правда, Лазар, в тот день лило как из ведра! – шепнула соседу Сюзанна. – Я чуть не схватила воспаление легких!

Лазар Дюкудре очнулся от дремоты.

Метеорит приближался, оставляя на небе дымящийся след. Не сводя с него глаз, Жеробом Дараньяк встал. Судя по траектории, метеорит должен был упасть в болото в паре километров от его хижины.

Жеробом прижался спиной к стволу каштана. Неужели ему наконец повезло, и он своими глазами увидит падение небесного тела, которое, по мнению колдунов, обладает необыкновенными целебными свойствами... Безудержная радость охватила его, он глубоко вздохнул и бросился в заросли кустарника.

– О небесный гость, я заполучу тебя, и ты поможешь мне избавлять людей от страданий!

Максанс Вине не хотел слушать путаную речь Эвариста Вуазена. Он предпочел ознакомиться с хозяйской библиотекой. Будь на то его воля, он бы вместо журналов с рассказами о животных и пособий по лесоводству собрал здесь совсем другие книги.

– Каким же невеждой надо быть, чтобы засунуть бесценные философские труды на самую верхнюю полку! – бормотал он себе под нос. – Это просто возмутительно!

Максанс взял с полки первый попавшийся журнал.

– «Каждый двенадцатый житель Франции держит собаку», – прочитал вслух он. – Ну да, а наш хозяин держит их столько, что портит всю статистику.

Эмиль Легри видел в Гюго Мальпере продолжателя своего дела. Но тот быстро разуверился в том, что можно изменить человеческую природу к лучшему, и стал настоящим мизантропом.

Максанс Вине не получил высшего образования и набирал багаж знаний самостоятельно. Он свято хранил бесценный подарок Эмиля Легри, потрепанный экземпляр «Размышлений» Марка Аврелия, чье учение помогало ему переносить превратности судьбы. Повернувшись лицом к окну, он воскликнул:

– «Не заблуждайся доле; не будешь ты читать своих заметок, деяний древних римлян и эллинов, выписок из книг, которые откладывал себе на старость»⁶!

⁶ Марк Аврелий. «Размышления» (Пер. А.К. Гаврилова). – Прим. перев.

Вдруг он увидел в темном небе нечто, похожее на красноватый металлический шар. Несмотря на плохой слух, Максанс ясно различил нарастающий гул, заглушавший даже лай собак. Максанс вздрогнул. Странный свет озарил горизонт.

– Так поднимем же бокалы в память о нашем духовном наставнике Эмиле Легри, который, без всякого сомне...

Речь Эвариста Вуазена прервала ворвавшаяся в комнату мадам Бонфон:

– Господа, на помощь! Небо падает нам прямо на голову!

Все бросились к окнам и увидели светящийся шар, который перемещался с востока на запад, оставляя за собой пылающий след. Несколько взрывов прогремели один за другим. Двумя секундами позже раздался оглушительный свист, как если бы работала огромная турбина, слабый свет упал на каштаны в саду и почти тотчас же погас, зато на горизонте все ярче разгоралось желтоватое зарево.

– Метеорит! – выкрикнул Деода.

– Вы уверены?

– Абсолютно! Я изучал описание подобного явления в архивах обсерватории!

– Он упал где-то у монастыря святой Радегонды.

– Пойдемте, посмотрим! – предложил Виржилль Сернен.

– И не вздумайте! Мы сделаем это завтра на рассвете, – отрезала Рен Дюкудре.

– Вы собираетесь исследовать каждый кустик в лесу? – спросил Гюго Мальпер.

– Именно так.

– Но это же смешно!

– Я намерен поэкспериментировать с методом пеленгации, то есть определением местонахождения предмета, – объявил Деода Брикбек. – Мне понадобятся карандаш и бумага.

– Нужно совсем потерять рассудок, чтобы пытаться разыскать что бы то ни было посреди болот и дремучего леса!

«Проклятье! Теперь они еще долго не уберутся отсюда!» – подумал Гюго Мальпер. Он сделал над собой усилие и произнес:

– Как пожелаете. Я скажу кухарке, чтобы она приготовила корзины для пикника.

Чтобы накормить и разместить у себя этих людей, он был вынужден нанять дополнительную прислугу, которая помогала мадам Бонфон убирать комнаты и готовить еду. Лишь когда его надоедливые гости усядутся в поезд, он вздохнет с облегчением.

– Надеюсь, вы загадали желание? – проговорил он, с трудом скрывая вздох сожаления.

– Еще бы! Не каждому повезет увидеть падение метеорита! – воскликнул Виржилль Сернен.

– Что же вы надеетесь найти? – поинтересовался Донатьен Вандель.

– Камни из далекой таинственной Вселенной.

– Камни? Скорее, камешки! – проворчал Донатьен. – На вашем месте я бы поостерегся ползать по кустам: у вас опять могут начаться колики.

– Я не нуждаюсь в ваших советах! – пробурчал тот в ответ.

Дверь распахнулась. Мертвенно-бледный Максанс Вине стоял на пороге, сжимая в руке «Размышления» Марка Аврелия.

– Знак! Это Эмиль нам подал знак! – возвестил он, воздев указательный палец к потолку.

Глава вторая

Пятница, 15 августа

На соломенном тюфяке лежал, прерывисто дыша, ребенок с распухшей шеей. Мать сидела рядом, придерживая на его воспаленном лбу влажное полотенце. В освещенном дверном проеме возникла высокая фигура. Женщина повернулась к мужу:

– У нас нет выбора, визит доктора нам не по карману, придется идти за мецем⁷. Говорят, этот добрый человек творит чудеса и лечит бедняков бесплатно.

Мужчина нахмурил брови.

– Он колдун. Я уверен: то, что произошло сегодня ночью, его рук дело.

– Даже если он нам не поможет, хуже уже не будет!

– Это еще неизвестно...

– Ты хочешь, чтобы наш малыш умер?! – в отчаянии воскликнула женщина и склонилась над ребенком.

Ее муж взглянул на сына и вышел.

Он бежал, не останавливаясь, через болота, не замечая пения птиц и жужжания насекомых, сливавшихся в причудливую мелодию. Заслышав его тяжелые шаги, заяц шмыгнул в заросли папоротника.

Хижина меца стояла под высоким каштаном у зернового склада недалеко от так называемого Охотничьего замка – здания XII века с четырьмя массивными башнями, куда парижане любили приезжать на пикники. Жеробом Дараньяк работал угольщиком, иногда помогал бочару из Монлиньона. Питался он в основном дичью – зайчатиной, фазанами и куропатками, а еще грибами и лесной ягодой. К нему часто приходили за помощью издалека, и он принимал пациентов прямо на лугу, у пруда, заросшего лилиями, над которыми кружились стрекозы, а в плохую погоду – в своем бревенчатом домишке. Невдалеке располагалось небольшое поле гречихи, и красные тряпки, привязанные к деревьям, должны были отпугивать косуль.

Приблизившись, мужчина увидел разлетающиеся искры. Мец стучал долотом по предмету, лежавшему на наковальне.

Жеробому было около сорока. Он был высок, с черными вьющимися волосами и чисто выбритым лицом, которое можно было бы назвать красивым, если бы не зигзагообразный шрам на виске, полученный от одного ревнивого мужа – из-за той истории Жеробому пришлось уехать из родного Лимузена. Он был добрая душа и охотился только для того, чтобы утолить голод, а от пациентов принимал плату продуктами. Вот и теперь отец больного ребенка посулил ему дюжину яиц и два кочана капусты, если он вылечит малыша.

– У меня есть кое-что очень действенное, но это средство можно использовать только один раз.

Жеробом Дараньяк взвесил блестящий металлический предмет на руке. Конечно, жаль было с ним расставаться, но появление мужчины Жеробом воспринял как знак Провидения. Он верил в силу природы и знал целебные свойства диких растений и камней, но не переоценивал себя, считая лишь орудием, осуществляющим волю Всевышнего. Мысленно произнес молитву, Жеробом повернулся к мужчине:

– Я готов. Веди меня.

⁷ Мец – знахарь (от латинского *medicus* и французского *médecin* – врач). – Прим. авт.

Они двинулись через болота в обратном направлении. Солнечные блики плясали на тропинке, вдоль которой росли кусты ежевики. Когда они проходили мимо замка, стая голубей взмыла в небо, громко хлопая крыльями.

Склонившись над малышом, Жеробом осторожно ощупал отек. Потом посплюнявил палец, начертал на груди ребенка какие-то знаки и плотно прижал к его распухшей шее металлический предмет, бормоча:

– Семь горестей, семь радостей, семь гордостей, семь печатей на книгах прорицателей, семь цветов радуги, семь нот в музыке... Семь, вещь число.

Через несколько минут он весь покрылся испариной, ощущая, как болезнь ребенка перетекает в магический предмет, а затем через руку проникает в его собственное тело. Если родители будут четко следовать его указаниям, ребенок скоро поправится.

– Это очень сильное средство, – сказал он, вручая им металлический предмет. – Я совершил магический ритуал, теперь это будете делать вы: слово в слово, жест за жестом, иначе болезнь не остановить.

Мать сжала сына в объятиях и радостно вскрикнула:

– Кажется... Похоже, он очнулся!

Она смотрела на меца с благоговением.

– Надо верить всему, сомневаться во всем и ничего не отрицать, – важно произнес Жеробом. – Возьми этот предмет, женщина, я доверяю его тебе. Слушай и запоминай. – Он прошептал ей что-то на ухо, затем отстранился и добавил вполголоса: – Ты понимаешь, что означает держать рот на замке?

– Да.

– Уверена?

– Да.

– Тогда приступай немедленно.

И Жеробом ушел.

Суббота, 17 августа, утро

– Время идет, а ваш экземпляр «Путешествия молодого Анахарсиса»⁸ все еще не продан. Вы не готовы с ним расстаться? – Посетитель поправил монокль и удалился.

– Звучит не очень-то оптимистично, – заметил Кэндзи Мори, надел очки и вернулся к своим каталожным карточкам.

– Если вы полагаете, что это потенциальный клиент, то глубоко ошибаетесь. Он слишком мрачно настроен и к тому же без гроша, – парировал Жозеф Пиньо, сердито поглядывая на Юрбена, уже третьего подручного, нанятого за последние шесть месяцев.

Кэндзи искоса посмотрел на зятя. Зачем Виктор решил сделать Жозефа компаньоном? Он был хорош на своем месте.

Несмотря на увлечение техническими новшествами, Кэндзи Мори был консервативен и не любил перемен. А Жозеф умудрился выжить из лавки уже двух служащих.

Раздражение мешало Кэндзи сосредоточиться. Он был не в восторге от союза Жозефа с Айрис, так как желал для дочери лучшей партии, но смирился с ее выбором, когда узнал о том, что она беременна. Увы, родилась девочка, а он мечтал о внуке. Айрис и Жозеф поселились в бывших комнатах Виктора – тот тоже женился и теперь появлялся в лавке лишь изредка... Одним словом, поводов для раздражения у Кэндзи хватало. В том числе и постоянное присутствие Эфросиньи Пиньо.

⁸ «Путешествие молодого Анахарсиса в Грецию в середине четвертого столетия до нашей эры», автор – аббат Жан-Жак Бартеlemi (1716–1795). – *Прим. авт.*

Он снял очки, покрутил их в руках и убрал в ящик, не в силах больше слушать, как Жозеф громко отчитывает служащего:

– Зарубите себе на носу, Юрбен: работая в книжной лавке, вы обязаны знать имена писателей и годы издания всех книг, а еще быть всегда вежливы с покупателями. Кроме того, вы должны предлагать им книги, о каких они и не слышали!

«Он унаследовал ужасный характер от своей матери, – подумал Кэндзи, собирая свои карточки, – и этот Юрбен здесь тоже долго не продержится. Кстати, интересно, кем приходится мне Эфросинья Пиньо?»

Жозеф же, наблюдая за подчиненным, на самом деле завидовал ему, так как Юрбен очень ловко упаковывал книги в оберточную бумагу. Самому Жозефу это никогда не удавалось: то бумага рвалась, то бечевка запутывалась.

– Это все, на что он способен. При этом не может перечислить даже поэтов Плеяды! Это же надо было умудриться – заявить мадам де Камбрези, что Мариво – автор «Совращенной поселянки»! Хорошо еще, что старая карга и сама в литературе ничего не смыслит, она убеждена, что «Лжец»⁹ – это комедия Мольера! – пробормотал Жозеф. Еще один промах – и он уволит этого тупицу, который, к тому же, похоже, нечист на руку.

Его размышления прервало появление месье Шодре, аптекаря с улицы Жакоб.

– О, месье Пиньо, какое удивительное происшествие! Я видел все собственными глазами!

– Что вы видели?

– Позавчера я был в Монморанси, у моей сестры, мы праздновали ее серебряную свадьбу, была ночь, и звезды сыпались с неба дождем!

– Скоро, наверное, ни одной не останется, – с иронией заметил Кэндзи, с грохотом задвигая ящик стола.

– Не шутите, месье Мори, ведь это плохой знак, предвещающий войну, а может, и конец света. Так написали в газете. А вы как думаете?

– Что это души летят из чистилища в рай, – пробурчал Кэндзи.

– Надо же, а я все проспал! – расстроился Жозеф.

Пока он расспрашивал аптекаря, Кэндзи, покусывая карандаш, прислушивался к топотанию маленьких ножек на верхнем этаже. Внучка Дафнэ, которой недавно исполнился годик, занимала в его сердце особое место. Поначалу крики младенца приводили Кэндзи в ужас, но как только малышка впервые улыбнулась ему, сразу стала для него ангелом, пусть и с черными как смоль волосами и миндалевидными, чуть раскосыми глазками. Увидев первые неуверенные шаги и услышав первый лепет внучки, Кэндзи мгновенно превратился в ее покорного раба, не лучше бабки Эфросиньи, которая, коверкая слова и сюсюкая, громко восторгалась проделками малышки.

– Ради всего святого, мадам Пиньо, разговаривайте с ребенком на нормальном французском! – умолял Кэндзи, но Эфросинья его не слушала. Избавиться от нее можно было, лишь напомнив, что пора готовить ужин, или предложив проследить за тем, чтобы служанка Зульма Тайру не ушла домой, не закончив работу.

– Верно! Эта негодяйка только и думает о том, как бы улизнуть к своему голубку!

Речь шла о почтенном чопорном Андре Боньоле, слуге Виктора и его супруги Таша, который уже давно ухаживал за Зульмой Тайру, не решаясь признаться в своих чувствах, из-за чего девушка постоянно пребывала в рассеянности и била посуду. Эфросинья бранила ее на чем свет стоит, но иногда меняла гнев на милость и давала ценные советы.

⁹ Пьер Карле де Шамблен де Мариво (1688–1763) – французский комедиограф и романист, автор романа «Удачливый крестьянин», который Юбер перепутал с «Совращенной поселянкой» Никола Ретиф де ла Бретонна (1734–1806); «Лжец» – пьеса Корнеля. – *Прим. авт.*

К счастью, Кэндзи занимали не только проблемы домочадцев – он наслаждался идиллией в отношениях с Джинной Херсон, матерью Таша Легри, и проводил выходные в холостяцкой квартирке на улице Эшель, где переживал самые восхитительные моменты своей жизни. Он и не предполагал, что после смерти Дафнэ Легри способен испытывать подобные чувства.

– Вы слышали, месье Мори, – обратился к нему Жозеф, – Хосе-Мария Эредиа¹⁰ раздобыл на набережной оригинальный экземпляр «Мыслей» Паскаля всего за два су!

– Жаль, что мы его упустили! Впрочем, ничего удивительного: ведь Виктор занят фотографией, а вы – своими газетными вырезками! – И Кэндзи указал на стойку, где лежал свежий выпуск газеты «Фигаро».

– Неужели вам не интересно узнать, что произошло вчера ночью в лесу Монморанси! Вот послушайте! – И Жозеф прочитал:

Удивительное событие посеяло панику в окрестностях деревни Домон. Метеоритный дождь обрушился на руины храма святой Радегонды. Местные жители утверждают: им казалось, что на небе две луны.

Кэндзи не слушал Жозефа. Он силился выкинуть из головы Эдокси Аллар, княгиню Максимова, до замужества танцевавшую в «Мулен Руж» под именем Фифи Ба-Рен. Она позавидовала успеху Лианы де Пужи¹¹, гастролировавшей в России в 1894 году, и стремилась добиться того же на парижских подмостках. Кэндзи навестил Эдокси на прошлой неделе в ее квартире на авеню Оперá, и с тех пор соблазнительный образ бывшей любовницы преследовал его, при этом, как ни странно, не затмевая чувств к Джине.

Жозеф продолжал рассуждать о метеоритах:

– С десятого по четырнадцатое августа они падали по всей Англии, от Стратфорда-на-Эйвоне до Бристоля. Один наблюдатель насчитал целых двадцать шесть!

– Надеюсь, он получит за это медаль. А вы уверены, что он не перебрал лишнего? – заметил Виктор Легри, входя в лавку.

– Вам смешно! Но я согласен: метеоритный дождь не предвещает ничего хорошего!

– Бойтесь конца света? Но Персеиды¹² в середине августа каждый год освещают наши ночи, в этом нет ничего сверхъестественного.

– Так или иначе, эту вырезку я сохранию. – Жозеф аккуратно вклеил заметку в свой знаменитый блокнот, где коллекционировал описания всевозможных необыкновенных происшествий.

– Эти три заказа нужно доставить сегодня? – спросил Юрбен.

– Нет, в воскресенье после мессы! – с иронией воскликнул Жозеф. – Разумеется, сегодня! Вы уже должны быть в пути!

– Но покупатели живут в разных концах города: один – на улице Тюрбидо в Третьем округе, другой – на улице Дюрантон в Четвертом, а третий – в Сен-Манде.

– Поезжайте на omnibusе!

Юрбен ушел, а Виктор едва удержался, чтобы не напомнить Жозефу о том, что тот в свое время вел себя точно так же, как новый служащий.

Книжный магазин опустел, и три компаньона погрузились каждый в свои мысли.

Кэндзи грезил о граммофоне. Он видел рекламу в «Иллюстрасьон» и планировал приобрести новейшее техническое устройство к Рождеству.

Виктор силился понять, почему фотографии обнаженной Таша – сколько же красноречия ему понадобилось, чтобы убедить ее позировать! – не получились такими, как он рассчитывал.

¹⁰ Хосе-Мария Эредиа (1842–1905) – французский поэт кубинского происхождения. – *Прим. перев.*

¹¹ Лиана де Пужи (Анна-Мари де Шассень; 1869–1950) – французская танцовщица, писательница и куртизанка, одна из звезд Бель Эпок. – *Прим. перев.*

¹² Персеиды – метеорный поток, ежегодно появляющийся в августе со стороны созвездия Персея. – *Прим. перев.*

Возможно, он добавил слишком много соды в проявитель. В его мечтах эти снимки оживали. Одна знакомая описала ему презентацию кинематографа братьев Люмьер, которую те провели 22 марта для членов национальной промышленной комиссии, и Виктор сразу понял: это будущее фотографии. Как бы ему хотелось увидеть «Выход рабочих с фабрики»... Он закрыл глаза и представил себе фильм, главная героиня которого была похожа на Таша.

Жозеф же обдумывал сюжет очередного романа с продолжением. Предыдущий, «Букет дьявола», печатавшийся несколько месяцев в газете «Пасс-парту», имел у читателей успех, а затем вышел отдельным изданием у «Шарпантье и Фаскель». Когда Жозеф узнал от Айрис – ему плохо давался язык Шекспира, – о том, что Шерлок Холмс погиб в смертельной схватке с профессором Мориарти у Рейхенбахского водопада, ему стало казаться, что жанр криминального расследования оказался в глубоком кризисе. Получится ли у него написать детектив? Если нет, то к какому жанру обратиться? Он пролистал «Юность Лагардера»¹³ и почесал в затылке. Взяться за приключения? Написать роман плаща и шпаги? Нет, нельзя бесконечно эксплуатировать тему горбуна, даже если являешься экспертом в этом вопросе¹⁴. Ах! Лагардер! Быть его alter ego! «Но я же не владею шпагой, – сказал себе Жозеф, – а значит, прощайте дуэли в сумерках на склоне перед замком Келюс-Таррид! А может, попробовать написать что-то в духе Жюль Верна или даже Альбера Робиды¹⁵? Создать роман не хуже, чем «Машина времени» некоего Г. Дж. Уэллса, который Айрис читает в английских газетах, описывая потом мужу конфликты между элоями и морлоками, происходящие в 802701 году. И вдруг Жозефа осенило: а что если ему написать о том, как гигантский метеорит упал прямо на Париж?

¹³ Автор Поль Феваль (1816–1887) – французский писатель, автор популярных приключенческих романов (так называемых романов плаща и шпаги), при жизни пользовался не меньшим успехом, чем Бальзак и Дюма. Роман издан в 1893 году. – *Прим. авт.*

¹⁴ Самым известным романом Феваль считается «Горбун» (1857), а Жозеф и сам горбат. – *Прим. перев.*

¹⁵ Альбер Робиды (1848–1926) – французский карикатурист, иллюстратор и писатель. В 1880-е написал футуристическую трилогию, став предтечей стимпанка. – *Прим. перев.*

Глава третья

Вторник, 22 октября

– Который час? – пробормотал молодой человек, развалившийся на перине.

Девушка приводила в порядок прическу, зажав во рту шпильки для волос. Воткнув в волосы последнюю, она показала локтем на грязное окно.

– Уже полдень. Давай-ка, пошевеливайся! Мне пора бежать на работу, – сказала она, завязывая мяту ленту бантом на пастушьем посохе.

Кора работала в «Пивнушке для холостяков» на улице Сен-Северен с пятнадцати лет. Ее приняли туда, поставив условие: никому не признаваться в том, что она еще несовершеннолетняя. Она и ее товарки должны были ублажать мужчин в специальных комнатках в подвале или в малой гостиной, где свидание стоило втрое дороже, так как клиентам в дополнение к пастушке полагались еще вишневая настойка или тминный ликер. По окончании рабочего дня Кора обслуживала постоянных клиентов. Эрик Перошон был из их числа, и поскольку она ему симпатизировала, он иногда оставался у нее на ночь.

Молодой человек облегчил карман своего сюртука, выудив оттуда последние монеты, и, насвистывая, спустился по лестнице. После того как умер отец, Эрику приходилось несладко – денег, которые давала мать, ему не хватало. Промучившись так некоторое время, он решил, что пора потрясти дядюшку Донатьена: тот все равно лежит без движения, и деньги ему не нужны.

Эрику Перошону было двадцать три года, и, пользуясь своей привлекательной внешностью, он соблазнял женщин самого разного круга. Молодой человек бы уверен, что надо брать от жизни все, и не собирался следовать примеру покойного отца, который всю жизнь честно трудился, чтобы обеспечивать семью. «Разве это жизнь, если надо на рассвете вылезать из постели, а вечерами считать, сколько удалось продать молотков, задвижек, метелок и кухонной утвари?» – рассуждал Эрик, которому вовсе не улыбалась перспектива стать хозяином мелочной лавки. Он терпеть не мог семейные обеды, во время которых все разговоры сводились к дежурным фразам вроде: «Передай мне масла!» или замечаниям относительно того, что некоторые идиоты не умеют распоряжаться своими деньгами. Запираясь у себя в комнате, юноша захлеб читал приключенческие романы, представляя себя то капитаном Немо, то Чакасом, то Лагардером, то графом Монте-Кристо, то бароном де Сигоньяком¹⁶. Эрик мог бы стать бунтовщиком, но был для этого слишком расчетлив, а потому притворялся порядочным молодым человеком. «Кто ждет, тот дождется», – рассуждал он. Отец оплатил его обучение в Школе архитектуры на бульваре Монпарнас, но юноше занятия быстро наскучили, и он решил, что гораздо приятнее посещать театры, балы и дам с сомнительной репутацией. Каждое утро Эрик повторял, как заклинание: «Завтра будет лучше, завтра будет лучше». Он твердо верил, что блестящее будущее уготовано ему судьбой.

Тут все было фиолетовое – обои, обивка софы и двух вольтеровских кресел, стоящих перед сервантом, заставленным английским фарфором с фиолетовым узором, – даже скатерть на столе, и та была фиолетовой. Мрачная комната.

Донатьен Вандель был парализован и лишен дара речи, поэтому не мог сказать о том, что, возможно, ему стало бы лучше, если бы в комнате сменили декор. Он проклинал себя за то, что поддался на уговоры сестры. Четыре года назад она явилась к нему в слезах, оплакивая своего супруга Жан-Поля. Донатьен Вандель тогда был заместителем начальника вокзала. Он

¹⁶ *Чакас* – герой романа «Натчезы» Франсуа Рене Шатобриана (1768–1848); *барон де Сигоньяк* – герой романа «Капитан Фракасс» Теофиля Готье (1811–1872). – *Прим. авт.*

рассудил, что сестре нужно о ком-то заботиться, и предложил ей с сыном Эриком переехать к нему. Увлеченный работой, он не сразу заметил, что Бернадетта быстро превратила его строгую холостяцкую квартиру в бонбоньерку. Да и потом не протестовал, радуясь тому, что может уделять больше времени племяннику, к которому питал отцовские чувства. Вандель видел Эрика знаменитым архитектором, который, возможно, превзойдет самого Гюстава Эйфеля.

Эрик появился на улице Депар ровно в полдень. «Дядя сейчас обедает. Присутствовать при этом – поистине пытка!» – подумал он и предпочел уединиться в своей комнате. К несчастью, по пути туда он столкнулся с матерью, сгибавшейся под тяжестью корзины с продуктами.

– У тебя сегодня нет занятий? – спросила она.

– Два преподавателя схватили инфлюэнцу. А ты сегодня занимаешься благотворительностью?

– Нет, я отложила это на завтра. У нас закончились продукты, а служанка вчера вечером сказала, что ее мать сломала руку, и я отпустила ее домой.

– Сиделка у дяди?

Бернадетта Перошон кивнула. Она никак не могла поверить в то, что брат никогда не оправится, и его неподвижно лежащее тело казалось ей куклой. Она отвела больному самую светлую из комнат и делала все возможное, чтобы обеспечить ему необходимый уход. Однако в глубине души, не признаваясь в этом даже самой себе, Бернадетта испытывала смутное удовольствие, став единоличной хозяйкой дома, – она расценивала это как восстановление справедливости. В юности она жила под строгим надзором родителей, затем по указке мужа. И хотя брат вовсе не был тираном, жизнь с ним под одной крышей означала зависимость. И вот наконец в пятьдесят два года Бернадетта обрела полную свободу действий. Эрик по большей части отсутствовал, а она делала что хотела: могла с аппетитом съесть краюху теплого хлеба или даже пирожное с кремом, а могла часами стоять перед зеркалом, примеряя новое платье... А как приятно было следить за сиделкой! Правда, тут Бернадетту ждало разочарование – пожилая некрасивая женщина атлетического телосложения ухаживала за Донатьеном безупречно и не давала никаких поводов для подозрений в воровстве. Вот и сейчас она упорно пыталась просунуть в сомкнутые губы своего подопечного ложечку рубленого мяса.

– Он все привередничает, упрямец, но я не отступлюсь! Не хотите мяса, месье Вандель? Тогда будем есть суп.

После короткой борьбы сиделке удалось влить в горло несчастному бульон из поильника. Правда, он чуть не захлебнулся, но она с силой хлопнула его по спине и, убедившись, что дыхание восстановилось, вытерла ему губы.

– Как он сегодня? – спросила Бернадетта.

– Так и зыркает на меня. Но я знаю, он меня очень ценит.

Заметив блеснувшую в глазах брата ненависть, Бернадетта Перошон с сомнением покачала головой. Она поправила ему одеяло и взбила подушку.

– Ему надо отдохнуть. Я закрою ставни.

– А как же компот?

– Оставьте его на полдник.

– В таком случае могу я отлучиться? Мне надо размять ноги, – спросила сиделка, которой на самом деле хотелось выкурить трубочку.

– Да-да, конечно. А я пока займусь корреспонденцией, мне надо написать пару писем.

... «Небо явно ко мне благоволит!» – сказал себе Эрик, бесшумно входя в дядину комнату. Там никого не было, больной спал. «Ну же, не стесняйся, – подбадривал себя юноша, – ощупай каждую складку одежды, подними крышки вазочек, проверь секретер, и ты наверняка разживешься хотя бы несколькими купюрами».

Донатьен наблюдал за племянником из-под прикрытых век. Он испытывал бессильную ярость, не имея возможности сопротивляться бесцеремонной сиделке, но то, что происходило сейчас у него на глазах, поразило его до глубины души. Похоже, Эрик ведет разгульную жизнь... Что ж, почему бы не обчистить дядюшку-инвалида, доживающего последние дни? Ничего, пусть парень развлекается, пока может, на учебе это не должно сказаться, утешал себя Донатьен. Он прикрыл глаза и дал волю воображению, мчась на полном скаку за неясной тенью, все быстрее и быстрее... чтобы отомстить!

Отправившись из Гранвиля в 8 часов 45 минут, экспресс № 56 миновал станцию «Версаль Рив-Гош» и, изрыгая серый дым, помчался в направлении путепровода.

Машинист Гийом-Мари Пелерен велел кочегару Виктору Гарнье подбросить угля в топку, чтобы быстрее преодолеть последние два километра до станции, соединяющей западную линию с кольцевой железной дорогой. Он считал своим долгом прибыть к месту назначения вовремя и, опоздав на вокзал Монпарнас хотя бы на пять минут, очень бы расстроился.

Начальник поезда Альбер Марьетта с легким беспокойством отметил, что скорость превысила пятнадцать километров в час, но доверился опытному машинисту, работавшему в компании уже девятнадцать лет. Марьетта смотрел на мелькающие за окнами дома и думал о том, что никогда не узнает о привычках их обитателей. Когда состав проехал мимо высокого здания с изображением огромной упаковки детского питания «Фосфатин Фальер», беспокойство начальника поезда возросло – в этом месте поезд обычно замедлял ход, но сегодня этого не произошло. Паровоз подтвердил его опасения протяжным свистом – экспресс несся с недопустимой скоростью.

Альберт Марьетта нажал на тормоз Вестенгаузена, а кочегар тем временем лихорадочно забрасывал в топку песок. Но было уже поздно – потеряв управление, поезд на всех парах мчался к вокзалу.

Стоявший на перроне железнодорожник бросился прочь, его примеру последовали пассажиры. Платформа опустела за несколько секунд.

На Реннской площади¹⁷ недалеко от буфета под навесами-маркизами стояли трамваи линии «Бастилия – Монпарнас» и «Монпарнас – площадь Звезды». Чуть в стороне, между улицей Ариве и улицей Депар, в просторном крытом помещении толпились пассажиры, ожидающие прибытия омнибусов до Ванва и Менильмонтана. Пожилая пара с плоскими плетеными корзинками поднималась по ступеням, мужчина с тростью помогал жене. Они опустились на сиденья и задремали. По счастью, лошади, запряженные в вагон трамвая, вовремя услышали страшный грохот, встали на дыбы и рванулись вперед, спасая пассажиров от неминуемой гибели.

Паровоз сошел с рельсов, проскочил на полном ходу через зал ожидания, пробил стену, вылетел на Реннскую площадь и упал с десятиметровой высоты вниз. Падая, он задел заднюю часть трамвая маршрута «Монпарнас – площадь Звезды», оторвал у него подножку и уткнулся носом в землю, напоминая огромное доисторическое животное, упавшее в пропасть. Тендер и первый багажный вагон отлетели в сторону, второй багажный, почтовый и десять пассажирских чудом удержались на краю зияющей в стене вокзала пробоины.

Снаружи собирались зеваки, на вокзале служащие спешили на помощь пассажирам, среди которых, к счастью, не оказалось тяжело раненных. Машинисту и кочегару удалось выпрыгнуть на подъезде к тупику.

¹⁷ Ныне площадь 18 июня 1940 года. – Прим. авт.

В этой катастрофе была лишь одна жертва: Мари-Огюстин Эгийяр, мать двоих детей, которая подменяла мужа в киоске, пока он запасался вечерними газетами, получила смертельный удар по голове зольником¹⁸ безумного поезда.

От удара здание на улице Депар дрогнуло. Большая фарфоровая ваза упала на пол, от потолка, уже давно потрескавшегося под двойным слоем фиолетовой краски, откололись два больших куса штукатурки и обрушились прямо на голову Донатьену Ванделю. Эрик бросился к дяде, схватил простыню и стал вытирать ею усыпанное побелкой лицо несчастного. Тот едва дышал. Почти улегшись на него, Эрик различил слабый шепот:

– Я могу... я хочу...

– Ты говоришь! Ты выздоровел!

Эрик не знал, радоваться ему или скрипеть зубами. Он, конечно, рассчитывал на дядюшкино наследство, но в глубине души считал Донатьена славным человеком, не заслуживающим такой жалкой участи.

– Я позову маму! – воскликнул он.

Сильные пальцы впились в его руку.

– Нет-нет, я должен тебе сказать... времени мало...

Донатьен дико выпучил глаза и дернулся от приступа ужасной боли. Его голова горела в огне.

– Сокровище... Забери его, это из-за него я пострадал. Запиши, поторопись, конец близок... Отомсти за меня!

Не найдя карандаша, Эрик прижал ухо к губам умирающего, у которого уже почти не осталось сил говорить. Он произносил какие-то бессвязные обрывки слов, и Эрик разобрал только что-то про 15 августа, двуличность и – несколько раз – слово «сокровище». Потом прозвучали имя и адрес. Эрик повторил их несколько раз, чтобы запомнить. Пальцы, вцепившиеся в его руку, разжались, и Донатьен Вандель испустил дух.

¹⁸ *Зольник* – бункер, расположенный в нижней части (под колосниковой решёткой) топки паровоза, служащий для сбора золы и шлаков, образовавшихся в результате сгорания топлива. – *Прим. перев.*

Глава четвертая

Среда, 23 октября

«В нашей памяти, этом антикварном магазине впечатлений и идей, мы обнаруживаем иногда, неожиданно для самих себя, старое забытое воспоминание, которое позволяет нам заново пережить какое-нибудь событие далекого прошлого».

Прочитав это высказывание Мопассана, напечатанное в газете «Галуаз» в 1881 году, Кэндзи Мори невольно вспомнил эпизод из своей юности, затерявшийся в дальних уголках сознания. Стоял жаркий июльский день, он гулял по улицам японского города Кобе со своей кузиной Кумико. Их внимание привлек торговец сладостями. На его передвижном лотке лежали горкой сухие стебли тростника и мизу аме, тесто на основе рисовой муки. Торговец создавал из них для каждого ребенка по желанию зверей, птиц, бабочек или цветы. Кэндзи спросил Кумико, что она хотела бы получить, и девочка, помедлив, выбрала дракона. Оторвав от тростника липкую фигурку сказочного животного, она завернула ее в бумагу и сказала, что сохранит на память. Кэндзи думал о том, что теперь Кумико, наверное, уже красивая солидная дама. Интересно, остался ли у нее тот дракончик из рисовой муки...

Его воспоминания прервали пронзительные женские голоса: он узнал Матильду де Флавиньоль, Рафаэль де Гувелин, Хельгу Беккер, консьержку Мишлин Баллю и, конечно же, Эфросинью. К ним примешивались и мужские – Жозефа и Виктора.

– Семьдесят тысяч кило, какая громадина! – говорил Жозеф.

– Йа-йя, это ужасно, почему же тормоз не сработал?! – Судя по немецкому акценту, это была Хельга Беккер.

– Виноват машинист. Говорят, он действовал вопреки правилам, установленным на вокзале Монпарнас: он должен был начать торможение заранее, – заявила Рафаэль де Гувелин.

– Он не мог маневрировать, – возразила Хельга Беккер. – Представьте, что вы едете на велосипеде по мокрой дороге, скользите и... хлоп! Месье Легри, а вы знаете, что в Лондоне женщинам скоро разрешат появляться в брюках в отелях и ресторанах?

– О! Месье Легри, скажите, что вы об этом думаете, – пропела нежным голосом Матильда де Флавиньоль, уже много лет питавшая слабость к Виктору – без всякой надежды на взаимность.

– Как сказал бы мой компаньон, в наши дни дамы сильнее покрыты нагаром¹⁹, чем в незапамятные времена, но меньше, чем пеньковые трубки или чайники.

– А я считаю, что показывать ноги неприлично, если хотите знать мое мнение! – высказалась Эфросинья.

Та, кого она пренебрежительно называла Тевтонкой, наградила ее презрительным взглядом, и мадам Пиньо мысленно произнесла в ее адрес гневный монолог о «немецких войсках», пообещав себе записать его в дневник.

– Реннская площадь выглядит просто ужасно! – продолжила тему Рафаэль де Гувелин. – Этот стоящий вертикально паровоз, повсюду обломки... Не представляю себе, как его будут поднимать. Но, надо отдать должное мэру, силы правопорядка были на высоте.

– Поезд пролетел через весь вокзал, и это просто чудо, что никто из пассажиров не пострадал. Если бы стена не обрушилась, вагоны сплющило бы об нее, и получилась бы братская могила, – заметила Матильда де Флавиньоль.

¹⁹ Игра слов: французское слово *culotté* имеет несколько значений: одетый в брюки; обкуранный, покрытый нагаром; наглый, нахальный. – Прим. перев.

– Одна женщина все же погибла, – возразила ей Хельга Беккер.

– Что до меня, я никогда не соглашусь путешествовать на поезде! Все эти новейшие изобретения мне до лампочки, от них одни неприятности! – заявила Мишлин Баллю и удалилась в свою каморку.

– Ну, уж вам-то точно ничего не грозит, – пробормотал Жозеф. «А что, если вставить в будущий роман не только историю о гигантском метеорите, обрушившемся на Париж, но и произошедшую накануне железнодорожную катастрофу?» – задумался он, но Рафаэль де Гувелин не дала ему сосредоточиться.

– Месье Пиньо, я хочу просить вас об одолжении. Скоро ваша очаровательная малышка будет спать в кровати, и...

– Ну, да, Айрис собирается переделать бывший кабинет Виктора в детскую.

– Когда это произойдет, не будете ли вы столь любезны и не продадите ли мне эту восхитительную плетеную колыбель из ивы, которую ваша супруга украсила сатином и тюлем?

Жозеф удивленно посмотрел на Рафаэль де Гувелин. Неужели она согрешила, в ее-то возрасте?

– Мои дорогие малыши будут довольны, если у них будет такая колыбель, вся в кружевах и бантиках.

– Ваши дорогие малыши?!

– Мальтийская болонка и шипперке.

Виктор закашлялся, чтобы не расхохотаться, и поспешно скрылся в хранилище. Там он с удивлением обнаружил Кэндзи.

– Скоро они уберутся? – тихо спросил тот.

– Понятия не имею. Боюсь, их визит затянется надолго.

– А Юрбен, когда он вернется?

– Этого я тем более не знаю.

– А вы в курсе, что Жозеф снова дал объявление о том, что нам требуется служащий? Я было его пожурил, но он сказал, что хочет найти работника, который говорил бы по-английски, знал историю литературы и умел вести бухгалтерские книги.

– Зачем? Мне кажется, Юрбен весьма успешно справляется со своими обязанностями, – заметил Виктор.

– А еще я хотела бы побеседовать с вашей супругой, – не отставала от Жозефа Рафаэль де Гувелин. – Мне нужен ее совет: я вяжу крючком ошейники для моих милашек, в них вплетены бубенчики, и застегиваются они на крючки. У меня никак не получается это сделать!

Жозеф сообразил, что это отличный предлог скрыться.

– Подождите меня здесь, я сейчас все для вас узнаю! – И он поспешно взбежал по ступенькам вверх.

Айрис была раздосадована. Она надеялась спокойно закончить сказку «Божья коровка без пятнышек», но ее постоянно отвлекали. Сначала Эфросинья, костерившая на чем свет стоит немку и велосипеды, потом Жозеф, едва сдерживавшийся, чтобы не выставить вон этих кумушек. Увидев, в каком он состоянии, Айрис поняла, что должна его успокоить, и они вместе склонились над колыбелью, где щебетала маленькая Дафнэ.

Жозеф собирался поговорить с женой о переезде. Ему хотелось, чтобы они жили отдельно от Кэндзи и Эфросиньи, и он уже не раз заводил об этом разговор, но Айрис уклонялась от ответа, и он понял: она еще не готова расстаться с отцом.

«Ничего, я подожду: уверен, этот момент когда-нибудь наступит», – сказал себе Жозеф, собираясь с духом, чтобы спуститься вниз.

Айрис закрыла за ним дверь на задвижку и вздохнула с облегчением. Она открыла ящик секретера, где хранила тетради со своими сказками, иллюстрации к которым рисовала Таша, и

погрузилась в мечты о том, как отец ей подарит пианино, и она будет играть для дочери. Потом она уселась за стол и вернулась к сказке.

Никто не звал в гости божью коровку по имени Ледибед, потому что на ее спинке не было ни одного пятнышка – в отличие от других божьих коровок.

– Она согласна меня принять? – бросилась к Жозефу Рафаэль де Гувелин.

– Сейчас Айрис пеленает ребенка. Приходите завтра.

Рафаэль де Гувелин обиженно удалилась, фрейлейн Беккер и Матильда де Флавиньоль последовали ее примеру.

На улице уже темнело, и Жозеф зажег светильники с колпачком Ауэра²⁰, которые заказал для лавки Кэндзи, обожавший всяческие технические новшества.

Пламя восковых свечей в четырех подсвечниках рисовало на потолке причудливые тени. Сгорбившись в вольтеровском кресле рядом с безжизненным телом брата, Бернадетта Перошон стонала, закрыв лицо ладонями. Ей было очень стыдно, но она не могла выжать из себя ни слезинки. Возможно, она слишком много их пролила, оплакивая мужа? И теперь не столько горевала по Донатьену, сколько злилась на него. Он оставил ее! Ушел, даже не успев исповедоваться. Оставил ли он завещание? И что в нем написал? Есть ли у него какие-то деньги? Или ценности? «В любом случае, – успокаивала себя женщина, – мы с Эриком его единственные наследники». Конечно, ей будет не хватать брата, но она надеялась, что еще успеет насладиться обеспеченной старостью.

Сиделка тоже расстроилась. Здесь, у Ванделей, ей было совсем неплохо, а теперь придется искать нового пациента, и кто знает, какие там будут условия. Как же она ненавидела эти лицемерные стенания у тела покойника! Женщина украдкой взглянула на Эрика. Кажется, он уже успокоился. Когда она вошла, парень был в шоке. Но как только доктор подтвердил, что Донатьен Вандель отправился к праотцам, на лице молодого человека появилось обычное насмешливое выражение. И слава богу, сиделка не вынесла бы, если бы он последовал примеру своей мамы.

Эрик испытывал смешанные чувства: отвращение перед смертью и смутное ощущение утраты. Он закрыл глаза и сосредоточился на последних словах Донатьена. Дядя упомянул о каком-то сокровище. Скорее всего, это был бред умирающего. Разве можно представить, чтобы уважаемый чиновник, заместитель начальника вокзала, закопал где-то сундук, полный драгоценностей и дублонов? Или дядя имел в виду что-то другое? Эрик подавил зевок и решил дожидаться оглашения завещания.

Суббота, 26 октября

Когда нотариус закончил читать завещание, Эрик окончательно убедился в том, что богатые американские дядюшки – миф. Донатьен Вандель оставил все свое имущество сестре Бернадетте. Речь шла о квартире на улице Депар, включая мебель, белье, кухонную утварь и прочее. Что касается Эрика, то он стал обладателем коллекции миниатюрных железнодорожных составов, с любовью расставленных дядюшкой в стеклянном шкафу.

Лежа в своей комнате, Эрик погрузился в мрачные размышления. Его ждет нищета! Затем, развивая неясную мысль, посетившую его во время визита к нотариусу, он пришел к уверенности, что история с сокровищем, возможно, все же имеет какой-то смысл.

²⁰ Карл Ауэр фон Вельсбах (1858–1929) – австрийский химик, в 1885 году изобрел и запатентовал газокалильную сетку, многократно усиливающую яркость газового пламени, использовавшегося тогда для освещения – т. н. «ауэровский коллачок». – Прим. перев.

Юноша прокрался в дядюшкин кабинет: единственный уголок в квартире, обустроенный по вкусу Донатьена, – стены там покрывали афиши с изображением полуобнаженных танцовщиц.

Дядюшка часто приговаривал: «Лови удачу за хвост: не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня!» Эрику Перошону был по душе этот девиз. Он подошел к стеклянному шкафу, отодвинул в сторону миниатюрные поезда, резким движением оторвал покрывавшую полки материю и обнаружил под ней двенадцать тысячефранковых купюр. Да это целое состояние! Матери он про свою находку ничего не скажет. Однако то ли это сокровище, о котором говорил дядя? Видимо, все-таки нет, ведь Донатьен явно пытался сказать, что сокровище у него похитили. Мало того, просил племянника отомстить...

Эрик долго раздумывал, прежде чем у него созрел план действий.

Где – ему было известно. *Когда* – зависело только от него самого. А вот *как* – это уже совсем другой коленкор...

Глава пятая

Понедельник, 28 октября

Жозеф стоял у прилавка и, забыв про кофе, задумчиво смотрел на хмурую дождливую улицу. Крупные капли дождя, похожие на слезы, струились по стеклу и стекали на тротуар.

«Сегодня к нам вряд ли зайдет хоть один покупатель, я мог бы спокойно отправиться спать...»

Одна из витрин книжной лавки «Эльзевир» была отдана на откуп детективным и приключенческим романам: тут были и «Комната преступления» Эжен Шавет, и «Обезглавленная» Фортюне Дю Буасгобея; и книги Пьера Заккона, и «Пять су Лавареда» Поля д'Ивуа²¹, изданный в прошлом году, а также несколько романов Роберта Льюиса Стивенсона и Артура Конан Дойля на английском языке. На самом видном месте красовались «Странное дело Анколи» и «Кубок Туле», произведения Жозефа Пиньо. Мужчина в потертом котелке и клетчатом костюме, не обращая внимания на ливень, с интересом изучал витрину. Жозефа это удивило: неужели его романы уже настолько популярны, что читатели готовы прийти за ними даже в непогоду. Он вышел на порог.

– Вижу, месье ценит книги.

Посетитель вздрогнул от неожиданности.

– Детективы – моя страсть, – признался он.

– Правда? Приятно встретить единомышленника! У вас есть любимые авторы?

– Я... эти я все прочитал, кроме вон тех двух, – пробормотал мужчина.

– Тех, что лежат на возвышении? Их написал я.

– Что вы говорите?! Какая честь для меня – побеседовать с живым писателем!

– Так заходите же в лавку, не то схватите инфлюэнцу!

Мужчина замаялся, но все же вошел в помещение магазина, оставляя на полу мокрые следы.

– Шерлок Холмс был бы счастлив идти по вашему следу, если бы вы были преступником, – заметил Жозеф, поспешно вытирая пол, пока Эфросинья ничего не заметила. Сейчас он был в лавке один, но не стоило испытывать судьбу. Он подвел посетителя к стеллажам, посвященным детективным историям.

– Рекомендую. Если вам доставит удовольствие полистать...

Мужчина замаялся и смущенно пробормотал:

– Я бы предпочел купить... ваши книги с автографом.

Жозеф покраснел от удовольствия.

– С радостью подпишу их для вас! Надо сказать, они имеют успех.

Он подбежал к письменному столу Кэндзи, погладив в порыве чувств бюст Мольера, стоявший на каминной полке, уселся в кресло и вынул из кармана на груди вечное перо.

– Как ваше имя?

– Симеон Дельма.

Жозеф расписался на форзаце.

– Не закрывайте сразу, пусть чернила высохнут. Итак, вы читали Стивенсона и Конан Дойля. Вы говорите по-английски?

²¹ *Фортюне Дю Буасгобей* (1821–1891) – французский писатель, автор полицейских романов/фельетонов; *Пьер Заккон* (1817–1895) – французский писатель, стал популярен благодаря публикации фельетонов в дешевых газетах; *Поль д'Ивуа* – французский писатель, автор приключенческих романов. – *Прим. перев.*

– Да, я провел год в Кембридже. Сколько я вам должен?

– Три с половиной франка умножить на два, будет семь.

Симеон Дельма сунул руку в карман пиджака и высыпал на ладонь монеты. Их было всего четыре.

– Мне очень жаль, я не взял с собой наличные. Отложите для меня эти книги, я вернусь за ними в конце дня. В котором часу вы закрываетесь?

– В половине седьмого. Пожалуйста, возьмите их, я вам доверяю.

– Нет-нет, вдруг мне что-нибудь помешает прийти. До вечера, месье Пиньо, я постараюсь быть здесь около шести.

Симеон Дельма вежливо приподнял шляпу. Открывая дверь, он посторонился, чтобы пропустить Юрбена, который влетел в лавку со всех ног.

– Как вам не стыдно! – набросился на него Жозеф. – Вы чуть не сбили с ног этого господина! Вам надо на центральном рынке овощи грузить, а не книги продавать!

– Мсье Пиньо, месье Шодре просил передать, что он в ярости оттого, что ваши политические очерки неполные!

– Во-первых, они не мои, а Эжена де Мирекура²². А во-вторых, месье Шодре имел удовольствие пролистать книгу, а я сделал ему скидку! И вообще, это не повод, чтобы налетать на других клиентов. Впредь будьте осторожнее!

Юрбен, опустив голову, шмыгнул на свое место за прилавком и раскрыл книгу заказов.

Виктор любил проводить время в фотолаборатории, которую устроил в бывшей столовой на улице Фонтен. Перепланировку решила сделать Таша – они все равно обедали у нее. Таким образом, Виктор получил в свое распоряжение просторное помещение, где можно было удобно разместить аппаратуру. Из кухни сюда провели воду и оборудовали кран над керамической раковиной.

Слева от раковины находился бак с проявителем, а справа стояли в ряд снабженные этикетками флаконы с химикатами и лежал корнцанг, с помощью которого Виктор извлекал из ванночки негативы. На окне висели плотные шторы. Еще в комнате была печь с дымоходом. На столе стояли весы, фонарь со сменными стеклами красного и желтого цвета и керосиновая лампа.

Виктор ласково погладил фотокамеру со штативом, которую подарила ему Таша на годовщину их знакомства в июне 1889 года. Вопреки предсказаниям некоторых их общих знакомых, его чувство к ней не слабело, а с каждым годом лишь росло, обретая глубину и новые краски.

Виктор любил бродить по Парижу и запечатлевать повседневную жизнь его обитателей, особенно ремесленников и рыночных торговцев, а еще женщин и детей. Он видел в этом свое предназначение: ему хотелось увековечить представителей профессий, которые, возможно, скоро безвозвратно уйдут в прошлое. В фотографии Виктора привлекало то же, что и в криминальных расследованиях: ему хотелось уловить и рассмотреть непримечательные на первый взгляд детали.

Он задержал взгляд на фотографии обнаженной Таша. Изгибы ее тела пробуждали в нем желание.

А я изменился, вдруг понял Виктор. Когда-то он был ветреником. Но, влюбившись в Таша, узнал, что такое чувство собственника. Женитьба ничего не изменила, он по-прежнему ревновал супругу, хотя со временем научился сдерживать эмоции.

Виктор решил заняться проявкой снимков. Он стал готовить раствор, но выяснилось, что закончилась сода, и настроение у него сразу испортилось.

²² Эжен де Мирекур (Шарль Жан Батист Жако; 1812–1880) – французский писатель, автор еженедельного периодического сборника «Современники». – Прим. авт.

Таша тем временем сражалась у себя в мастерской с огромным панно, изображающим всадницу на мчащейся галопом лошади. Она отложила палитру, сказав себе, что ей никогда не сравниться с Лотреком, и наклонилась, чтобы погладить Кошку, которая, громко мурлыкая, терлась об ее ноги.

– Тебе хорошо, Полукисточка, ты довольна жизнью: целыми днями только спишь, набираешь себе брюшко, да еще и погуливаешь, если не запереть тебя дома. Что, я не права? Ну да, конечно, бедняжка, в прошлом году у тебя отобрали котят и раздали чужим людям! И все равно я тебе завидую: у тебя есть потомство... Моя сестра Рахиль беременна, а у нас с Виктором по-прежнему нет детей. Хотя... возможно, это к лучшему...

Таша потянулась и села в одно из кресел в стиле Генриха IV, стоящее рядом с канопе эпохи Регентства. Эту мебель Виктор купил в еще 1890 году. Больше всего Таша нравилась двуспальная кровать, стоящая в нише. Когда пружины стонали, не выдерживая бурных любовных утех, супруги перемещались в спальню к Виктору, хотя Таша было там не слишком уютно. Странно, как это они, такие разные люди, могут любить друг друга! Наверное, это возможно только благодаря взаимному уважению.

Таша пролистала альбом с набросками иллюстраций к сказкам Андерсена. Ей заказал их один бельгийский издатель, и она взялась за работу, так как ее картины не продавались. Несмотря на успех выставки, организованной в 1894 году «Ревю бланш», ни один коллекционер не приобрел ее картин. Таша отдавала себе отчет в том, что работами женщин-художниц интересуются куда меньше, чем произведениями их коллег-мужчин, но ее все чаще посещали сомнения. Стоит ли ей продолжать заниматься живописью? Виктор считал, что да. Но холсты, рамы и краски стоили дорого, поэтому Таша бралась за любую работу: она рисовала иллюстрации к книгам и карикатуры для газет, особенно для «Пасс-парту», где когда-то начинала, а еще раз в неделю давала вместе с матерью уроки акварели. Она придирчиво оглядела эскиз к сказке «Русалочка», который считала лучшим, и вдруг подумала, что и сама, подобно Русалочке, приносит себя в жертву – только не любви, а независимости. Таша вспомнила, как рисовала весной театральные задники для «Театр Либр». Столько самоотверженного труда – и такая смехотворная плата! Ей часто приходилось жертвовать интересными предложениями в пользу денежных. Вот и теперь она обдумывала предложение сэра Реджинальда Лимингтона, близкого друга английского писателя Оскара Уайльда, судебный процесс над которым вызвал в мае много кривотолков. Речь шла о том, чтобы сделать четыре декоративных панно для украшения одной из гостиных парижского особняка Лимингтона. Таша склонялась к тому, чтобы взяться за это – и на этот раз не только для того, чтобы покрыть свои расходы. Она надеялась раз и навсегда избавить Виктора от безосновательной ревности и доказать ему, что ничто не разрушит их брак.

– Идиотка! Ты вся – сплошное противоречие! Любишь мужа, но несмотря на его недовольство, все равно встречаешься с друзьями-художниками. Да, но не сидеть же круглосуточно в четырех стенах, правда, Кошка? Иначе дойдет до того, что я буду скучать даже по бездельнику Морису Ломье!

Таша отдалилась от всей этой братии, когда дело Дрейфуса вызвало во Франции всплеск антисемитизма. Был он виновен или нет, художники Форен и Каран д'Аш²³ яростно выкрикивали расистские лозунги. После ссылки Дрейфуса на Чёртов остров они поутихли, однако Таша не торопилась возобновлять с ними знакомство и ограничивалась общением с братьями Натансонами²⁴. Она слишком серьезно пострадала от глубокой ненависти русских к евреям,

²³ Жан-Луи Форен (1852–1931) – французский художник, график, книжный иллюстратор; Каран д'Аш – псевдоним известного французского карикатуриста Эммануэля Пуаре. – Прим. перев.

²⁴ Таде Натансон (1868–1951), вместе со своими братьями Александром и Луи-Альфредом (его писательский псевдоним – Альфред Ати), руководил литературно-художественным журналом «Ревю бланш». – Прим. авт.

чтобы испытать подобное снова, причем в стране, которая казалась ей образцовой с точки зрения соблюдения прав человека и гражданина. А ее отец Пинхас, опасаясь репрессий, вообще перебрался в Нью-Йорк...

Таша вздохнула и сунула альбом с набросками в стопку эскизов. Кошка мяукнула.

– Ты права, пора принимать решение. Я соглашусь на предложение сэра Реджинальда.

... Человек в клетчатом костюме и потертом котелке появился в книжной лавке «Эльзе-вир» за двадцать минут до закрытия. Жозеф, просияв, вышел ему навстречу.

– Вы пунктуальны, месье Дельма! Ваши книги упакованы.

– Я должен вам три франка, вот они. Я тут подумал... и принес вам своего Конан Дойля. У меня оказалось два экземпляра, они не совсем новые, зато это первое английское издание.

– Как мило с вашей стороны! Я как раз изучаю английский, и мне будет очень полезно почитать Конан Дойля в оригинале. Пойдемте, поговорим в задней комнате, здесь нам могут помешать, – предложил Жозеф, увидев в дверях внушительную фигуру Эфросины.

Кэндзи тем временем поспешил на помощь милой барышне, которая искала сентиментальные новеллы. Он проигнорировал взгляд Эфросины, пристально изучавшей его волосы, изменившие цвет благодаря патентованному средству «Нигритин», и притворился, что не слышит ее жалоб на служанку Зульму Тайру:

– Эта негодяйка не прибрала за собой на кухне! Это ей даром не пройдет!

Неизвестно почему в магазин рекой хлынули покупатели. Их голоса действовали Виктору на нервы – он злился на Таша, которая объявила, что в ближайшие несколько недель будет выполнять какую-то важную работу, и ей, возможно, придется ночевать в особняке сэра Реджинальда Лимингтона на улице Фезандри! Виктор возмутился: да кто такой этот прохожимец, чтобы навязывать ей свое общество? Таша заметила, что заказчик – настоящий денди, который высоко ценит ее талант. Он попросил расписать стены его дома мифологическими сюжетами. Виктора такое объяснение не удовлетворило, и он весь день кипел от злости и ревности.

Вот почему, когда Мишлин Баллю подошла к нему, он встретил ее враждебным взглядом. Но смутить консьержку было невозможно, и Виктор сдался, согласившись ее выслушать.

– Позвольте мне занять мансарду на шестом этаже! Я бы припрятала там свои фарфор и столовое серебро на случай, если лишусь работы. Надо быть готовой ко всему... Смотрите-ка, помяни лихо, и оно тут как тут: вот и гадюка Примолин, во все бочки затычка! – Консьержка оттеснила Виктора к комнате в глубине лавки и шепнула: – Ей нельзя доверять. Так что, вы согласны пустить меня в мансарду?

Виктор молча кивнул.

– Очень мило с вашей стороны! Вот только есть одна загвоздка... там все заставлено мебелью, а еще такой огромный сундук, ну, знаете, тот самый, в котором ваш покойный дядюшка хранил свои вещи... Он занимает так много места!.. Я позволила себе заглянуть в него одним глазком и увидела там только старые счета и какие-то бумаги. Если бы вы разрешили мне выкинуть хотя бы часть из них, я бы смогла положить туда мой фарфоровый кофейный сервиз, ну, и несколько салатниц, их подарил мне мой покойный супруг Онезим...

– Хорошо, я разберу сундук.

– Когда именно?

Симеон Дельма с любопытством наблюдал за этой сценкой. Жозеф считал своим долгом вмешаться:

– Не обращайтесь внимания, месье Дельма, это наша консьержка, она всегда говорит очень громко.... – Жозеф спохватился, что не представил своего нового знакомого. – Виктор, это месье Дельма, один из моих преданных читателей. Месье Дельма, Виктор Легри – мой шурин и компаньон. Могу ли я показать месье Дельма наши книги?

– Безусловно, – сказал Виктор и вновь повернулся к консьержке.
– Вы застали меня врасплох, мадам Баллю, – пробормотал он.
– У вас ведь найдется завтра часок, я же не бог весть чего прошу! Я положу ключ рядом с Лафонтеном... – не отставала мадам Баллю.

– Это Мольер.

– Ох, какая разница, у обоих были парики и оба сочиняли рифмы! – не смутилась она.

– Доброй ночи! – буркнул измученный Виктор и бросился вон из магазина.

– Нет, все-таки странный он человек! Что я, не имею права попросить о незначительном одолжении? Я тут, между прочим, день и ночь надрываюсь, пока кое-кто спит с курочками в обнимку!

– А вам не приходило в голову, мадам Баллю, что если курочка оставит гнездо, мы останемся без омлета на завтрак? – шепнул ей Кэндзи.

– Боже, да тут не только месье Легри, тут все как один чокнутые! – взвизгнула консьержка, посчитав себя оскорбленной.

– Не удивляйтесь, месье Дельма, такие перебранки у нас дело обычное, – сказал Жозеф обескураженному посетителю.

Симеон Дельма кивнул:

– Да-да, мне такое хорошо знакомо. Я вырос в большой семье. Мы иногда так шумели, что консьержка являлась выяснять, в чем дело.

Жозеф испытывал к новому знакомому все больше симпатии.

– Может, останетесь отужинать с нами? – предложил он. – Моя супруга была бы счастлива...

– Нет-нет, я не хочу вам докучать.

– Не отказывайтесь, вам даже идти никуда не придется, наша квартира тут, над лавкой, на втором этаже. А если вам нужно предупредить супругу...

– О нет, я не женат.

– Тогда решено.

Жозеф попрощался с Кэндзи и повел своего гостя в квартиру.

Кэндзи одарил улыбкой барышню, которой помог выбрать романы Зенаиды Флерьо, поручил ее заботам Юрбена и тоже удалился.

Виктор охотно последовал бы примеру обоих компаньонов, но один из клиентов, щеголеватый блондин, настаивал, чтобы ему нашли трактат Витрувия «Об архитектуре». Виктор разозлился на Жозефа, который оставил его одного на поле боя, и отправился на поиски. Перебирая книги, он уронил несколько томов на пол, вышел из себя и заявил покупателю, что опаздывает на очень важную встречу.

– Какое счастье, что именно сегодня вечером маман ушла к подруге играть в «желтого гнома»²⁵, да и тестя нет дома. Поужинаем чем бог послал, месье Дельма, а потом обсудим проблемы детективного жанра! – сказал Жозеф, усаживая гостя за стол.

Айрис с первого взгляда понравился этот молодой человек, краснеющий по любому поводу. Он вовсе не был привлекателен, крупный нос и растрепанные бакенбарды придавали ему сходство с совой, но зато какой эрудит! Разговор крутился в основном вокруг литературной карьеры Жозефа, которая была под угрозой из-за отсутствия вдохновения.

– До сего момента я довольствовался тем, что описывал в романах уголовные расследования, в которых нам с моим шурином, месье Легри, довелось принимать участие...

– Реальные преступления?! – воскликнул Симеон Дельма.

²⁵ Карточная игра. – Прим. перев.

– Ну да. Правда, мы расследовали их как сыщики-любители. Но, тем не менее, наши имена даже попали в газеты! – не удержался от хвастовства Жозеф.

– Не слушайте его, месье Дельма! Они ввязывались в опасные приключения, не думая о своих близких! – воскликнула Айрис и прибавила дрожащим голосом: – И рисковали жизнью. Но теперь, став отцом, Жозеф поклялся мне, что будет иметь дело с преступниками только на страницах своих книг. Не так ли, милый?

– Конечно, к тому же ничего интересного в последнее время не случается, – пробурчал Жозеф. – Да и работы у меня прибавилось с тех пор, как я стал компаньоном.

– А ты не хочешь продолжить работу над «Бурной жизнью улицы Висконти»? – предложила Айрис.

– Да, это... Это старая история.

– Какой там сюжет? – поинтересовался Симеон Дельма.

– Это исторический роман о знаменитостях, которые жили или работали на этой улице: Бальзак, Делакруа, Энгр, Расин... а еще преступник Луи Алибо, которого отправили на гильотину за покушение на Людовика-Филиппа Первого.

– А что, если вам написать роман о том, как призрак Алибо появляется на улицах столицы и вновь совершает убийства?

Жозеф даже перестал жевать.

– У вас... У вас светлая голова! Какая гениальная мысль! У меня в голове уже рождаются повороты сюжета!

– Спасибо вам, месье Дельма! – подхватила Айрис. – Муж ходит расстроенный вот уже несколько недель...

Послышался детский плач, и она, извинившись, вышла.

– Я так вам признателен, – повторил Жозеф и вдруг задумался: – Послушайте, а вы не хотели бы поработать у нас в лавке? О, я, конечно, понимаю, это не слишком почетная должность... Чем вы зарабатываете на жизнь?

Симеон Дельма смущенно признался, что дает частные уроки:

– Право, я не знаю... У меня ведь совсем нет опыта...

– Глупости! Да, вы знаете в двадцать раз больше, чем этот тупица Юрбен! Что до упаковки книг, это несложно, я сам – ас этого дела. Признайте, ведь это намного лучше, чем возиться с мальчишками-сорванцами!

– Но ваш Юрбен... Ведь из-за меня он потеряет работу...

– Он? Вы ошибаетесь. Его отец – комиссионер на рынке Ле Аль, он легко подыщет сыну другое место.

– Что ж, тогда я, пожалуй, подумаю над вашим предложением. Оно выглядит весьма соблазнительным.

– Отлично! Хотите, мы прямо сейчас спустимся в лавку, и я введу вас в курс дела?

– С радостью.

Айрис была рада за Жозефа. Наконец-то он снова почувствует вкус к жизни! Да и ей тоже будет полегче: завтра же она отправит Эфросинью прогуляться с малышкой в Люксембургский сад, а сама сядет за сказку о божьей коровке без пятнышек...

Четверг, 31 октября

Виктор понял, что мысли о Таша мешают ему сосредоточиться, и решил отвлечься, выполнив просьбу Мишлин Баллю.

Почему все предметы имеют привычку исчезать именно тогда, когда становятся нужны? Виктор отлично помнил, что консьержка положила ключ от мансарды возле бюста Мольера, но там его не оказалось. И в голову ему снова полезли мысли о Таша и Реджинальде Лимингтоне.

– Что-нибудь удалось продать? – бросил он Жозефу.
– Симеон Дельма повез две книги графине де Салиньяк.
– Ага, значит, вы таки добились своего: прощай Юрбен, привет Симеону!
– Месье Дельма подходит нам как никто другой, он образованный человек и даже говорит по-английски.

– И все же увольнять Юрбена без предупреждения было некрасиво.
– Между прочим, я заплатил ему отступные из собственного кармана.
– Какая щедрость!
– И месье Мори дал согласие...
– Он просто не хотел с вами связываться.
– Ну, знаете, с меня хватит! Не понимаю, чем нам навредит компетентный служащий! Виктору надоело препираться, и он решил сменить тему:
– Скажите, не вашей ли матушке я обязан исчезновением ключа от мансарды?
Жозеф с негодованием возразил:
– Не рассчитывайте, что я смогу отучить ее от этой дурной привычки, она прячет мои бумаги, а потом уверяет, что ни к чему не прикасалась, призывая в свидетели своих Иисуса-Марию-Иосифа!

Виктор был в полном замешательстве:

– Если только это не Кэндзи...

– Месье Мори сейчас у себя, он занимается гимнастикой. Думаю, он будет не в восторге, если вы устроите ему допрос с пристрастием! Лично я склоняюсь к другой гипотезе: может, мадам Баллю сама взяла ключ?

Виктор покинул магазин и вошел в соседнее здание. Жозеф прав, чертова консьержка наверняка его опередила. Поднявшись на шестой этаж и пройдя по коридору, он увидел ключ в замочной скважине и резко толкнул дверь. Мансарда, освещенная скудным светом из слухового окна, была пуста, если не считать нескольких расшатанных стульев, множества шляпных картонок и распахнутого сундука, возле которого на пыльном полу валялась куча бумаг.

Виктор пришел в ярость. Ему хотелось в отместку устроить погром в комнате консьержки, но он заставил себя успокоиться. Чего он этим добьется? Только скандала и пересудов. То есть зря потеряет время.

Он опустился на колени, чтобы собрать разбросанные документы в папки и сложить в коробки, чтобы потом попросить Андре Боньоля доставить их на улицу Фонтен. Когда Виктор просматривал очередную пачку бумаг, его внимание привлек портрет, написанный углем. Он сразу узнал отца: его худощавое лицо, строго поджатые губы, бородку в стиле Наполеона III. Должно быть, дядюшка Эмиль нарисовал брата во время своего последнего визита в Лондон в 1866 году. Виктору тогда было лет шесть, и он хорошо помнил жизнерадостного круглолицего добряка Эмиля. Братья Легри были совершенно не похожи. Эмиль постоянно рассуждал о социальных реформах и всеобщей гармонии, и это раздражало его младшего брата. Виктор смущенно вспомнил о том, как мечтал тогда, чтобы его отцом был Эмиль.

Спускаясь вниз и увидев мадам Баллю, которая, стоя на четвереньках, терла щеткой пол второго этажа, он не удержался и едко заметил:

– Я запер мансарду и впредь буду держать ключ при себе. К вашему сведению, складывать и разбрасывать – не одно и то же. Всего хорошего.

Озадаченная консьержка распрямилась, потирая поясницу.

– О чем это вы? Как это «запер мансарду»?

И Мишлин Баллю погрузилась в печальные мысли о тяжелой судьбе честной и работающей вдовы, которую никто не понимает.

Глава шестая

Четверг, 14 ноября

Эрик Перошон ликовал. Все шло так, словно сам дядя с небес руководил событиями. В списке было тринадцать имен, за исключением двух покойников – самого Донатьена и Эмиля Легри.

На следующий день Эрик нанял экипаж и, вооружившись драгоценным списком, поехал по первому адресу, выбрав его наугад. Ему нравилось приключение, в которое он ввязался. Оно будоражило больше, чем игра в карты на деньги. Эрик оделся как можно неприметнее, чтобы выглядеть, как обычный клерк. Увы, он потерпел фиаско – консьержка сообщила ему, что дама, о которой он спрашивает, переехала:

– Оно и к лучшему! Притворялась святошей, а сама водила к себе мужчин. Что до того, где она теперь обосновалась, мне о том неизвестно!

Эрик решил сменить тактику. В течение нескольких дней он внимательно изучал объявления о сдаче жилья внаем, пока не отыскал подходящее – в пассаже д'Анфер, 20, на антресольном этаже²⁶ за умеренную плату. 5 ноября он подписал договор аренды и прикрепил на дверь табличку с именем Гранден.

Затем сообщил матери, что его нанял на работу один архитектор, и переехал в эту квартиру. В его распоряжении были две комнаты: просторная – для приема посетителей, и другая, поменьше, где стояли кровать и ночной столик. Кухня ему была не нужна – обедать дома Эрик не собирался, поэтому решил использовать ее как гардеробную и туалетную. Приди сюда его подружка Кора, она бы немало удивилась, увидев на стене репродукцию «Клятвы Горациев»²⁷, да и мебель в стиле ампир тоже – кресла фирмы «Жакоб», секретер с откидной крышкой, бронзовые канделябры с позолотой и столик с гнутыми ножками. Впрочем, Коре здесь было нечего делать.

Окна квартиры выходили на улицу, но, поскольку располагались под карнизом верхнего этажа, пропускали мало света. Эрик решил эту проблему, повесив зеркало над отделанным изразцами камином. Он обставил приемную продуманно: шесть кресел, выстроившихся вдоль стен с обоями цвета слоновой кости в коричневую полоску, должны были внушать посетителю впечатление, что хозяин любит порядок. В буфете красного дерева красовались тарелки с золотой каемкой, похищенные Эриком из дома, – эта деталь была призвана придать помещению уют.

Теперь можно было приступать к выполнению задуманного. Эрик разослал по почте приглашения всем членам ассоциации «Подранки».

Двое из них сразу же нанесли ему визит: один утром, второй вечером. Эрик сообщил им о поручении, которое дал ему покойный месье Вандель. Они внимательно его выслушали, но отрицали, что им что-либо известно. Что это было – наивность, порядочность или подозрительность? Тем не менее, сто франков каждому развязали им языки: Эрик получил адреса всех остальных, настоящих и бывших членов ассоциации.

²⁶ В переводе с французского пассаж д'Анфер означает «Дорога в ад»; полуэтаж расположен обычно между первым и вторым этажами. – *Прим. перев.*

²⁷ Картина известного французского художника Жака Луи Давида (1748–1825). – *Прим. перев.*

Пятница, 15 ноября

Виктор мрачнел с каждым днем. Он больше не мог противиться охватившей его ревности и уступил сомнениям. И хотя знал, что Таша никогда ему не изменит, испытывал какое-то нездоровое удовольствие, представляя себе, как это могло бы быть. Он не допускал и мысли о том, что ее может желать какой-то другой мужчина, но не мог не заметить: с тех пор как приняла предложение сэра Реджинальда Лимингтона, Таша словно расцвела. По вечерам, возвращаясь домой, она с жаром пересказывала мужу все, что обсуждалось в доме Лимингтона, в том числе историю Оскара Уайльда. Виктора раздражало, что ей интересно с этими людьми.

«Что это со мной? Ведь мы с Таша уже шесть лет вместе, и мне давно пора перестать переживать по поводу ее знакомств», – думал Виктор, краем уха слушая болтовню Эфросиньи с фрейлейн Беккер, которая пришла в лавку за книгой доктора Рошблава «О велосипедном спорте, гигиене и болезнях».

– Больше всего мне понравился четвертый акт, когда Тафен Рагнель, дама коннетабля, обращается к воинам с речью и благословляет их на битву при Кошреле²⁸, – с жаром рассказывала фрейлейн Беккер. – Ах! Я никогда не забуду этот спектакль и буду вечно благодарна мадам де Салиньяк за то, что она достала мне билет!

– О какой пьесе идет речь? – поинтересовался Кэндзи, оторвавшись от своих карточек.

– Это «Мессир Дю Геклен», драма Поля Деруледа²⁹, которая идет в Театре «Порт-Сен-Мартен».

– Поль Дерулед? – пробурчал Кэндзи с ноткой раздражения. – Это, кажется, ему мы обязаны строками: «Все разворотим, черт возьми! Бомба и пушка всегда впереди!»

Цитата явно позабавила покупателя, только что расплатившегося за книгу в переплете из зеленой шагреновой кожи, которую упаковывал для него Симеон Дельма. Лицо покупателя – с резкими чертами, открытым лбом, усами и короткой рыжей бородой, показалось Виктору знакомым. Постоянный посетитель? Нет, тогда он бы вспомнил, кто это. Жаль, Жозеф ушел к аптекарю на улицу Жакоб за лекарством для Дафнэ, у которой резались зубки. И тут рыжий посетитель сам обратился к Виктору:

– Месье Легри?

– Да, к вашим услугам... Простите, я как раз пытался вспомнить...

– ...Что продавали мою книгу в прошлом году? Она называется «Рыжик».

Виктор хлопнул себя ладонью по лбу.

– Ну, конечно! Вы – Жюль Ренар, мы познакомились с вами в «Ревю бланш»!

– Куда вы сопровождали вашу очаровательную супругу, которая, как и я, сотрудничает с братьями Натансон. Там были еще и Альфред Валлетт с Рашильдой, Реми де Гурмон³⁰ и студент педагогического института Леон Блюм.

– Я читал его восторженную рецензию на ваш роман и полностью согласен с оценкой... «Не всякому посчастливится быть сиротой...»³¹

²⁸ Речь идет о сражении между французами и англичанами в 1364 году. *Бертран Дю Геклен* (1320–1380) – французский полководец, прозванный Орлом Бретани, коннетабль Франции с 1369, участник Столетней войны, одерживает победу над армией Карла Злого. Жена дю Геклена, Тафен Рагнель, занимавшаяся астрологией, предсказывает французам победу. – *Прим. перев.*

²⁹ Дю Геклену посвящены историческая повесть Дж. У. Дипинга «Бертран Бретонский» (1908), серия новелл Грейс Уитхем «Бертрам» (1914), исторический роман А. Конан Дойля «Белый отряд» (1891), драмы Вольтера «Аделаида Дю Геклен» (пост. 1734, изд. 1765) и П. Деруледа «Мессир Дю Геклен» (1895). – *Прим. перев.*

³⁰ *Альфред Валлетт* (1858–1935) – французский литературный деятель, основавший в 1890 году вместе с женой Рашильдой ежесеместричник «Меркюр де Франс», самый авторитетный символистский журнал; *Реми де Гурмон* (1858–1915) – французский писатель, эссеист, художественный критик. – *Прим. перев.*

³¹ Роман Жюль Ренара был переведен на русский язык Н. Жарковой и Б. Песисом под названием «Рыжик». – *Прим. перев.*

Услышав эту фразу, Кэндзи бросил на Виктора возмущенный взгляд.

– Как вы можете говорить такое! Вам досталась лучшая из матерей!

– Я лишь цитирую горький афоризм месье Ренара, – пояснил Виктор. – Его героиня мадам Лепик напомнила мне моего отца, в романе «Рыжик» месье Ренар рассказал о своем детстве, о том, как его, несчастного, тиранила грубая бессердечная мать. Позвольте поинтересоваться, что вы выбрали?

– «Хронику царствования Карла IX» Проспера Мериме. Это для моего сына, ему всего шесть лет, но я считаю своим долгом позаботиться о том, что он будет читать.

Кэндзи подошел поприветствовать Жюль Ренара и выразить ему свою симпатию. Тот любезно улыбнулся:

– Таша рассказывала о вас, месье Мори. Скажите, а как вы относитесь к тому, что в Париже повсюду продают японские товары? Я говорю не о гравюрах, которые дороги сердцу любого художника, а об этих вычурных вазах и разноцветных ширмах...

– Подобные изделия, месье Ренар, – подобны искусственным цветам. Буржуа восклицают: «О, какие прекрасные пионы и хризантемы, прямо как настоящие!» А когда им попадается живой цветок, равнодушно топчут его ногами.

– Красивая метафора, возможно, я у вас ее позаимствую, – ответил Жюль Ренар, прощаясь.

– А это вы видели, Виктор? По-моему, не хуже. – Кэндзи схватил журнал «Нувель ревью» за февраль 1895 года, лежащий на его письменном столе среди наваленных в беспорядке газет. – «Глаза у него вместо сетей, и образы в них запутываются сами». Прекрасно, не правда ли? Покажите это Жозефу.

Виктор кивнул и взглянул на часы: шесть вечера, пора идти на свидание с Таша на улицу Пти-Шан в их любимое «Восточное кафе».

– Представляете, месье Легри, один немецкий врач, доктор Хениг, собирается усовершенствовать велосипед, чтобы на нем могли ездить даже инвалиды! – воскликнула Хельга Беккер, и Виктор поспешил скрыться.

Деода Брикбек снимал комнату с кухней в одной из пристроек дома по соседству с монастырем. Из окна ему видна была крыша приюта для детей и слепых, но Брикбека это мало интересовало – он предпочитал подглядывать за молоденькой служанкой, недавно поступившей на службу к двум старым дамам, которые обучали детишек сольфеджио и игре на арфе. Один из приятелей Деода, узнав об этом, воскликнул:

– Арфа – это так прекрасно!

– Ну да, на струнах можно сушить белье, – ухмыльнулся Брикбек.

Этим утром он украдкой наблюдал, как горничная чистит хозяйские ботинки. Ее руки, расставляющие на балконе несколько пар женских туфель, возбуждали его. А когда он услышал красивое сопрано, исполнявшее арию из «Трубадура»³², его волнение усилилось. Увы, приятный женский голос вскоре прервал взрыв хохота, и вскоре дом наполнился гулом, состоящим из звуков пианино, на котором кто-то разучивал гаммы, звона кастрюль, журчания канализации и криков попугая: «Жако! Кр-р-репкий кофе!».

Деода смочил расческу водой и провел пробор на жирных волосах. Отряхнув с плеч перхоть, он застегнул сюртук со стоячим воротником. Потом позавтракал бутербродом с сыром и стаканом остывшего цикория.

³² «Трубадура» – опера в четырех действиях Джузеппе Верди (премьера состоялась 19 января 1853 года в Риме). – Прим. перев.

Он пересек двор и свернул на авеню Обсерватории. Обогнул здание приюта и, свернув на улицу Кассини, пошел в сторону родильного дома, который женщины называли «Бурб»³³. Сквозь оголенные ветви каштанов виднелись купола обсерватории. Деода вошел в сводчатый вестибюль с широкой лестницей, подошел к шкафчику, открыл его своим ключом и, сменив котелок на фуражку, взял в руки метелку из больших перьев.

В его обязанности входило поддерживать чистоту в здании, и он считал свою должность достойной всяческого уважения. Если бы не он, скульптура Жана-Доминика Кассини, первого директора обсерватории и автора научных работ о Венере, Марсе и Юпитере, открывшего два спутника Сатурна, не блестела бы как новенькая. Деода ежедневно протирал ее кусочком замши, с грустью думая о том, что этот выдающийся человек почему-то незаслуженно забыт, и всех теперь интересуют лишь ветреные танцовщицы.

Затем Деода наводил порядок в кабинете нынешнего директора обсерватории, Феликса Тисрана. Часть окон кабинета выходили на Люксембургский сад, другие – на выложенную плиткой террасу. Затем Деода переходил в Зал меридиана, где находились бесценные оптические устройства: астрономические часы, грегорианский телескоп, теодолиты и другие. Если бы он не чистил их до блеска, ученые, возможно, не совершили бы многих открытий, ведь мельчайшая пылинка могла исказить картину звездного неба!

Деода относился к сотрудникам обсерватории с глубоким уважением и не обижался на них за то, что его не замечают. Он знал свое место и считал себя крошечным винтиком в огромном сложнейшем механизме обсерватории. На эту должность ему помог устроиться Эмиль Легри, и Деода был ему за это бесконечно благодарен.

Он прошел мимо просторного холла, где хранились многочисленные устаревшие устройства. Они находились под попечением коллеги Деода, Марселя Дюшомье, который, впрочем, выполнял свои обязанности спустя рукава и гораздо больше интересовался пышными юбками танцовщиц, чем большим телескопом Франсуа Араго³⁴.

В центральном зале третьего этажа Деода на минуту задержался у металлической линейки, вмонтированной в плиты пола. Она обозначала нулевой меридиан, пока в 1884 году его не сменил Гринвичский. Деода искренне восхищался этим небольшим местечком в окрестностях Лондона, ставшим в одночасье знаменитым, за что и получил от членов ассоциации, созданной Эмилем Легри, прозвище Гринвич.

Деода Брикбек завершил обход обсерватории, где среди многочисленных сокровищ находились меридианный круг Рейхенбаха и параллактический треугольник Гамбея³⁵. Установленным на возвышении метеорологическим оборудованием и бюро географических координат должен был заниматься Марсель Дюшомье.

Деода Брикбек переходил из одного помещения в другое. Он задумался так глубоко, что чуть не забыл подмести листья у подножия статуи астронома Леверрье³⁶.

В обеденный перерыв, зайдя перекусить в трактир на улице Фобур-Сен-Жак, он снова перечитал полученное накануне письмо. Некий месье Гранден приглашал его безотлагательно посетить контору в пассаже д'Анфер, поясняя, что речь идет о завещании, для выполнения которого требуется соблюдение определенных условий.

³³ *La bourbe* в переводе с французского – грязь, тина. Бурб – бесплатный родильный дом, где обстановка и уход были значительно хуже, чем в платных лечебницах. – *Прим. перев.*

³⁴ *Доминик Франсуа Араго* (1786–1853) – французский астроном, физик и политический деятель, с 1809 – член Парижской Академии наук. – *Прим. авт.*

³⁵ *Меридианный круг* – астрономический прибор, предназначенный для определения координат светил; *параллактический треугольник* – треугольник на небесной сфере, образованный пересечением небесного меридиана, вертикального круга и часового. – *Прим. перев.*

³⁶ *Урбен Жан Жозеф Леверрье* (1811–1877) – известный французский астроном, с 1853 года – директор Парижской обсерватории. – *Прим. перев.*

Деода Брикбек подозревал, что это какой-то шантаж, тем более, что имя завещателя в письме не упоминалось, да и адрес конторы наводил на мрачные мысли. Деода где-то читал, что пассаж д'Анфер в 1855 году стал местом убийства – извозчик по имени Коллиньон всадил пулю в висок своему седоку месье Жюжу, директору педагогического института в Дуэ. Мотивом убийства стало то, что Жюж пожаловался в городскую компанию наемных экипажей, что с него взяли на два франка больше положенного. Однако из дома внезапно выскочил толстый господин с густой бородой и в пенсне и запер дверь на засов, помешав убийце скрыться с места преступления. Толстый господин в пенсне был не кто иной, как Пьер Жозеф Прудон, автор ставшей крылатой фразы «Собственность – это кража». А имя извозчика стало нарицательным: коллиньонами с тех пор называли всех кучеров в цилиндрах с огрубевшими от ветра лицами.

Деода Брикбек решил проигнорировать приглашение месье Грандена. Разорвав письмо и развевя обрывки по ветру на улице Фобур-Сен-Жак, он обрел утраченный душевный покой. Но когда в шесть вечера подошел к своему шкафчику, чтобы положить на место фуражку, Марсель Дюшомье тронул его за плечо.

– Какой-то бродяга только что принес для тебя письмо. Мне пришлось дать ему монетку! Деода Брикбек взял конверт, но вскрыл его, только оказавшись на улице.

Привет, приятель!

Виржиль вчера выписался из больницы, где лечил свои почки. По этому поводу он приглашает нас всех к себе на поздний ужин в «Миротон де Терн». Мы хотим тебя видеть. И чтобы ты не улизнул, мы сложились и наняли для тебя фиакр: кучер заедет за тобой в семь вечера. Ему известно, куда тебя доставить, так что отвертеться тебе не удастся!

Подпись была неразборчивая, но Деода показалось, что он узнал почерк, и он улыбнулся. Не беда, если сегодня он ляжет спать попозже, грешно пропустить пирушку в честь выздоровления друга. Он смял письмо и выбросил в сточную канаву.

В семь часов экипаж стоял у его дома. Деода подтвердил кучеру адрес и, зябко поежившись, забрался внутрь. Усевшись на сиденье, он с удовольствием отметил, что жаровня стоит на полу, испуская приятное тепло. Ноябрь выдался сырой и предвещал раннюю зиму. Деода откинулся на спинку сиденья и прислонил подошвы к жаровне с горячим углем.

Угасающие лучи солнца осветили деревья в Люксембургском саду. Деода наблюдал в окно за неясными силуэтами прохожих в вечерних сумерках, потом, убаюканный покачиванием кареты, погрузился в мир фантазий. Он представлял себя молодым, красивым, открывшим новую планету и ставшим академиком.

Тряска вывела его из дремы. Было жарко, слишком жарко. Деода протянул руку, чтобы опустить стекло. Ручка не поддавалась. Он попробовал открыть другое, с левой стороны, и тоже безуспешно.

«Что это значит?»

Фиакр катил по широкой пустынной улице между каменных стен, за которыми виднелись очертания заводов, фабрик и каменоломен, затем под мостом мрачного вида.

«Мы же не туда едем! Куда он меня везет, этот кучер?»

– Вы сбились с пути! Ради бога, остановитесь! – закричал Деода.

Он чувствовал, как у него закружилась голова, тело отяжелело, в ушах загудело, перед глазами поплыл туман. Дышать становилось все труднее, а жаровня горела, заполняя окисью углерода тесный салон фиакра. Деода, теряя сознание, медленно сполз на пол.

Фиакр набирал скорость, оставляя улицу Толбьяк позади.

Таша набрала в грудь большой глоток воздуха, напрягла живот и снова выдохнула, тренируя брюшные мышцы. Вдалбливать искусство акварели в голову легкомысленным деви-

цам, которые наверняка предпочли бы вместо урока пробежаться по магазинам, было для нее серьезным испытанием. Утешало лишь то, что она помогала матери, давая возможность привести в порядок свою квартиру или просто отдохнуть.

Таша сложила табуреты друг на друга, разогнулась и, упершись кулаками в бока, отклонилась назад, разминая поясницу. Потом прошла по комнате, просматривая работы учениц, которые должны были скопировать один из видов Венеции кисти Феликса Зима³⁷ с ее собственной копии, сделанной в Люксембургском дворце. Хорош был лишь один эскиз, выполненный Маргаритой Равийон, по-настоящему одаренной ученицей, но Таша знала, что и та вряд ли станет художницей: скорее всего, по воле отца выйдет замуж за какого-нибудь жалкого интенданта и будет заниматься дамским рукоделием.

Джина внесла самовар и поставила его на круглый столик между двумя мольбертами. На тарелке лежали ломти хлеба, виноград и сыр.

– Как твоя семейная жизнь? – спросила она.

– Отлично. Виктор идеальный муж, он само совершенство.

Бодрый тон дочери не убедил Джину. Ей хотелось спросить, когда Таша с Виктором планируют обзавестись детьми, но она боялась ранить дочь. Младшая сестра Таша, Рахиль, к концу года должна родить. Радость от того, что она станет бабушкой, боролась в Джине с желанием оставаться молодой в глазах Кэндзи.

Таша проницательно изучала лицо матери, и Джина покраснела, испугавшись, что та прочитает ее мысли.

– С тех пор как Айрис подарила ему внучку, Кэндзи остепенился. Я подозреваю, что у него теперь есть постоянная подруга, почти жена, ведь он в выходные не ночует дома. Говорит, что работает, но никто в это не верит.

Джина покраснела еще гуще. Слова дочери смутили ее, но в то же время успокоили.

Таша с невинным видом смахнула крошку с губы и наполнила чашки.

– Сегодня утром я получила письмо из Америки, – сказала Джина, – которое имеет отношение и к тебе. Пинхас за нас беспокоится. Он вложил в конверт вырезки из газет, которые получил от своего друга-француза. Взгляни.

Таша принялась разбирать каракули отца. Почитатель Томаса Альвы Эдисона, Пинхас сожалел, что тому пока не удастся озвучить кинетоскопические фильмы.

...Это время придет. Публичных сеансов становится все больше. В мае Вудвилл Лэтем за плату показывал на Бродвее в Нью-Йорке фильм о боксерском поединке. Успех был огромный. Лэтем использовал эйдолоскоп, а Эжен Лост занят проблемой записи звука. Вы об этом слышали? А знаете, чем сейчас занимаются братья Люмьер? Мы с моим компаньоном Шоном О'Флаерти отсняли киноленту, предназначенную для эйдолоскопа³⁸, на которой очень удачно получились ритуальный танец племени сиу и сцена в салуне. Только бы нас не опередили французы!

Таша рассмеялась:

– Я и не знала, что папа интересуется индейцами и боксом!

– Он непредсказуем.

Письмо заканчивалось размышлениями о судьбе евреев в Европе и в частности во Франции. Пинхаса тревожили последствия ссылки капитана Дрейфуса на Чертов остров и гнету-

³⁷ Феликс Франсуа Жорж Филибер Зим (1821–1911) – французский пейзажист, представитель «барбизонской школы». – Прим. перев.

³⁸ Вудвилл Лэтем (1837–1911) – артиллерийский офицер и профессор химии университета Западной Вирджинии, один из изобретателей киноплоскости и проектора для публичных показов, разработал в 1895 году прибор под названием эйдолоскоп – для съемки и широкоформатного воспроизведения движущегося изображения. – Прим. перев.

щая тишина, последовавшая за всеобщей ненавистью. Он прислал жене и дочери смелую статью Жана Ажалбера, опубликованную в «Жиль Блаз», которая начиналась со слов: «То, что толпа, подобно стае диких зверей, упивается кровью, я еще могу объяснить. Но жестокость писателей и художников ... я понять не в состоянии», и заметку социалиста Мориса Шарне, который писал с негодованием: «Закон, провоцирующий шовинизм в то время, когда в армии распространяется учение социалистов, не сослужит государству добрую службу».

Таша вернула письмо матери.

– Мне хорошо во Франции, тут, по крайней мере, нет царя.

Они перешли на другие темы: исчезновение Берты Моризо, поступление коллекции Кайботта в Люксембургский дворец и новые скульптуры Родена.

– Ты поедешь в Краков к Рахили? – вдруг спросила Таша. – Было бы хорошо, если бы ты была рядом с ней во время родов.

– Я и сама хотела, но ее муж – врач, ему это может не понравиться...

– Глупости! Вам с ним давно пора познакомиться. Я уверена, Милош Табор – очень приятный человек, во всяком случае, такое впечатление он производит на свадебной фотографии.

– Это правда, я могла бы поехать к Рахили в конце декабря и остаться в Польше до весны. А как поживает твоя подруга Дуся?

– Она решила эмигрировать в Америку, к тетке, которая живет в Нью-Йорке. Я дала ей адрес папы. – Таша натянула перчатки. – Мне пора. Мы с Виктором договорились поужинать вместе. – И она вышла, оставив после себя легкий аромат розного ладана.

Джина вернулась в свою квартиру и, усевшись у камина, прикрыла ладонями уставшие глаза. В ее сознании возникли смутные образы – сначала Пинхас, потом Кэндзи – такой нежный, заботливый, внимательный... С ним Джина забывала о возрасте. Они жили настоящим. Благодаря Кэндзи она испытала доселе неведомые наслаждения, они ощущали себя единым целым. Она скучала по нему и жаждала его прикосновений.

Глава седьмая

Суббота, 16 ноября

Литейная мастерская Пиа порадовала бы и бога Вулкана, если бы ему каким-то чудом пришлось оказаться на улице Сен-Мор, 85. Это было похожее на храм просторное прямоугольное здание с застекленной крышей и двумя рядами крытых галерей. В мастерской у жарко горящих печей сутились рабочие, пахло расплавленным металлом, грохотали механизмы, напильники скрежетали, раздавались мерные удары молота по наковальне, стонали кузнечные мехи, визжали сверла.

Максанс Вине разминал в пальцах песок, словно крестьянин, перебирающий горсть земли. Он знал все секреты производства и учил новичков, как правильно смешивать ингредиенты, необходимые для получения прочного металла, а когда извлекал готовое изделие из формы, его движения были точны, как у опытного кондитера.

Он решил передохнуть и вышел из здания, направляясь к многолюдной улице Фобурдю-Тампль, где расположились торговцы овощами. Перед фасадом театра де ля Републик он увидел стражей порядка, задержавших карманника, и окружившую их толпу зевак. Жалкого паренька в лохмотьях, не церемонясь, затолкали в полицейский фургон. Эта сценка оживила в памяти Максанса другой эпизод. Когда ему было восемнадцать, он принимал участие в манифестации 1849 года. Несколько тысяч безоружных людей во главе с Ледрю-Ролленом и Виктором Консидераном³⁹ двинулись из Шато д'О к Большим бульварам, скандируя: «Да здравствует Конституция!» Они дошли до Национальной школы искусств и ремесел, но войска остановили шествие и разогнали его участников, пустив в ход оружие. Если бы не вмешательство Эмиля Легри, который затащил его в свою книжную лавку на улице Сен-Пер, где он скрывался много недель, Максансу вряд ли удалось бы избежать ареста. Он вернулся домой с подарком, получив от своего спасителя книгу с изречениями императора Марка Аврелия. И с тех пор всегда находил в них поддержку.

Максанс Вине сел в омнибус и доехал до Лувра. Там он сделал пересадку и ехал еще долго, прежде чем добрался до улицы Фурно. Оставалось минут пятнадцать ходьбы до дома престарелых на улице Алезья, 134. Максанс купил у булочника ромовую бабу, которую собирался съесть на десерт, поужинав вермишелевой похлебкой.

Консьержка сделала ему выговор:

– Разве можно в вашем возрасте так много работать?! Поторапливайтесь, ваша похlebка остынет.

Работавшие в этом заведении женщины искренне заботились о своих подопечных, а Максанс Вине, как самый старший, был их любимчиком. Вежливый, аккуратный и трудолюбивый, он, без всякого сомнения, заслуживал того, чтобы государство обеспечило его жильем за один франк в день, впрочем, при условии, что он где-то работает.

Максанс направился в столовую. Большинство постояльцев уже поужинали и теперь играли в настольную игру, устроившись поближе к камину.

Максанс Вине поднялся на второй этаж, вежливо приветствуя встречавшихся по пути соседей. У него здесь не было близких друзей – за исключением Сиприена, изможденного

³⁹ *Ледрю-Роллен Александр Огюст* (1807–1874) – французский политический деятель, в 1849 году, являясь одним из руководителей мелкобуржуазной оппозиционной группы «Новая Гора», возглавил июньскую демонстрацию в Париже против реакционной внешней политики правительства Луи Бонапарта; *Консидеран Виктор* (1808–1893) – социалист-утопист, последователь Ш. Фурье, представитель мелкобуржуазной демократической оппозиции. – *Прим. перев.*

человека лет пятидесяти, заработавшего в рудниках чахотку. Максанс хотел поделиться с другом ромовой бабой, но Сиприен отказался.

В крошечной комнатухе с трудом умещались кровать, стол, стул и шкафчик для одежды. Максанс с грустью оглядел свое жилище, красноречиво свидетельствующее о крушении всех надежд. А ведь когда-то он мечтал о домике в деревне с небольшим садиком, ласковой жене и детишках...

Он уселся на кровать и взял в руки любимую книгу, лежащую рядом на стуле. Она открылась на странице, заложенной ленточкой.

Никто не может лишиться ни минувшего, ни грядущего. Ибо кто мог бы отнять у меня то, чего я не имею? Настоящее – вот все, чего можно лишиться, так как только им и обладаешь⁴⁰.

Эти строки успокоили его, и Максанс приступил к десерту, думая о том, как ему повезло: ведь многие старики остались на склоне лет бездомными. А ему еще и должность сохранить посчастливилось.

Он встал, сложил бумагу, в которую была завернута ромовая баба, и задумался, куда ее положить. Взгляд его упал на полученное недавно письмо с приглашением явиться в пассаж д'Анфер, 20. Адрес звучал настолько зловеще, что Максансу стало не по себе, и он поспешно засунул письмо между страницами журнала, который Сиприен нашел в мусорном баке.

Максанс уже собирался потушить керосиновую лампу и лечь в постель, когда в дверь тихонько постучали. Он приоткрыл ее.

– Ты? Черт, прошло уже три месяца! Каким ветром тебя принесло?..

– Мы решили не дожидаться лета, чтобы устроить попойку в честь Виржиля: он целый месяц провалялся в клинике со своими почками. А заодно помянем Донатьена.

– Ванделя? – удивился Максанс. Он недолюбливал этого высокомерного чиновника и общался с ним только из уважения к Эмилю Легри.

– Ты что, не в курсе? Донатьен умер месяц тому назад!

– Как умер?

– Я был уверен, что тебя об этом известили. Потолок обрушился ему на голову. Между нами говоря, я думаю, это лучше, чем лежать как овощ. Мир его праху. У каждого из нас своя судьба: одни умирают, другие выздоравливают, как Виржиль. Одним словом, наши решили погулять сегодня за счет Виржиля. Так как, ты едешь?

– Видишь ли... У меня был тяжелый день, я очень устал.

– Да ты что, приятель! Разве можно упускать возможность повеселиться и набить брюхо, особенно, когда угощает Виржиль!

Максанс, поужинавший пустой похлебкой и ромовой бабой, не смог устоять перед таким искушением. Он снова обул башмаки и натянул свой старенький сюртук. Приятели выскользнули на лестницу и прокрались к выходу.

– Надо задобрить консьержку – не хочу, чтобы меня выгнали отсюда за нарушение правил проживания, – сказал Максанс.

Он наврал женщине, что его брат тяжело заболел, и попросил дубликат ключа на случай, если вернется после полуночи.

Получив от его приятеля двадцать су, она согласилась.

– А вот это уже лишнее, – сказал ему Максанс.

– Ничего не поделаешь – этот ключик открывает любой, даже самый ржавый замок, – ответил тот. – Пойдем, я оставил экипаж неподалеку.

⁴⁰ Марк Аврелий. «Наедине с собой. Размышления». – Прим. перев.

Они уселись на сиденье, чувствуя себя студентами, собирающимися покутить. Максанс даже позабыл о ревматизме, который мучил его день и ночь, не давая ни минуты передышки.

– Спасибо тебе, что вытащил меня! Жизнь прекрасна! – воскликнул он.

– Надо остановиться, здесь наверняка есть магазины, – заметил его приятель и дал знак кучеру. – Куплю бутылочку – негоже прийти с пустыми руками. Что-то тут холодно, давай, я включу тебе отопление, – сказал он и вышел.

Максанс Вине с наслаждением протянул подошвы к жаровне и вскоре задремал, вспоминая один из лучших моментов своей жизни. Как-то раз зимой, когда ему было семь лет, бабушка, продавщица воздушных шаров, которая воспитывала его после смерти родителей, привела его в кафе на Бульварах. Они уселись у камина, и, напившись шоколада со сладостями, Максанс уснул.

Он почувствовал легкую головную боль, потом стало трудно дышать, сердце забилося чаще. Максанс не мог бороться с охватившей его слабостью, все тело отяжелело, не было сил пошевелиться. Ему почудилось, что он очутился в печи, в которой плавят металл. Максанс попытался глубоко вдохнуть, но из груди вырвался хрип. Он закашлялся и стал искать на ощупь ручку дверцы. Она не поддавалась. Он застонал. Фиакр тронулся. Уже теряя сознание, Максанс подумал о том, что теперь он, наконец, встретится с императором Марком Аврелием.

Глава восьмая

Понедельник, 18 ноября

Жозеф был готов отдать что угодно за то, чтобы каким-нибудь чудесным образом очутиться в Патагонии, на Больших Зондских островах или на вершине Килиманджаро – неважно, где, лишь бы подальше от этих клуш. Он не спал всю ночь из-за криков Дафнэ, у которой реза-лись зубки, а теперь был вынужден общаться с Олимпией де Салиньяк и ее тощей, похожей на козу приятельницей Бланш де Камбрези, которые перевернули всю лавку в поисках «Эйри-маха», исторического романа Жозефа Анри Рони-старшего, написанного им в соавторстве с младшим братом Серафеном Жюстеном Франсуа, и «Осени женщины» Марселя Прево, при этом болтая без умолку о том, как независимы женщины в Соединенных Штатах и покорны в Японии.

Кэндзи отправился оценивать библиотеку на Бур-ля-Рен, Виктор скрылся в хранилище, и на растерзание дамам остались Жозеф и Симеон Дельма. Впрочем, последний являл собой образец ангельского терпения и общался с покупательницами с неизменной улыбкой на лице. Жозеф схватил газету и начал отступление к задней комнате. До него долетали обрывки фраз, но он открыл страницу с хроникой происшествий и больше ничего не слышал.

ДВЕ СТРАННЫЕ СМЕРТИ В ФИАКРЕ

У нас уже были заразные попугаи. Теперь появились фиакры-убийцы. Жаровни с углем стали причиной гибели Деода Брикбека, служащего Парижской обсерватории, и Максанса Вине, рабочего-литейщика, проживающего в богоугодном заведении Тиссран на улице Алезья. Двое мужчин были найдены мертвыми с интервалом в один день. Полиция подозревает, что это не несчастный случай, а преднамеренное убийство. Возможно, в Париже появился маньяк! Ведется расследование. Общественность призывает владельцев фиакров проверить качество жаровен. Пассажирам следует регулярно открывать дверцы, чтобы избежать удушья.

Жозеф, который всегда охотно пользовался этим видом транспорта, решил, что надо предупредить о грозящей опасности всех, и первым делом Виктора. Мелкими перебежками, чтобы его не заметили дамы, он двинулся к лестнице, ведущей в хранилище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.